

ЛЮБИМЫЙ

ДЕТЕКТИВ

БЕЗ ГНЕВА И ПРИСТРАСТΙΑ

Анатолий Степанов

Анатолий Яковлевич Степанов

Без гнева и пристрастия

Серия «Любимый детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29408951
Без гнева и пристрастия: Вече; Москва; 2017
ISBN 978-5-4444-9041-9

Аннотация

В романе признанного мастера остросюжетной прозы Анатолия Яковлевича Степанова (1931–2012), как всегда, налицо вся причудливая камарилья нашего современного общества: олигархи-банкиры, журналисты, киллеры, рецидивисты, поп-звезды, гомосексуалисты. На этот раз известная по популярному телесериалу «МУР есть МУР» компания – частный сыщик Георгий Сырцов, его наставник полковник Александр Иванович Смирнов и их верные давние друзья – вновь спланируется, чтобы раскрыть очередное запутанное дело. Речь идет о громадном наследстве, политических и криминальных разборках, новой партии, которой в будущем России будет принадлежать ведущая роль.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	52
Глава 8	56
Глава 9	69
Глава 10	74
Глава 11	76
Глава 12	79
Глава 13	90
Глава 14	96
Глава 15	100
Глава 16	104
Глава 17	112
Глава 18	124
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Анатолий Степанов

Без гнева и пристрастия

© Степанов А.Я., наследники, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Глава 1

Прижавшись виском к каменной ноздреватой стене, в голос – басом – рыдала двухметровая блондинка. Судя по кровавой яркости узорчатых колготок и краткости остальных одежд – портовая проститутка. Ее утешала, глядя по заду, карманного размера подружка.

Обходя их, Ксения ойкнула от неожиданности: размытая голубизна напудренной щеки двухметровой демонстрировала тщательную выбритость. Так что и не проститутка вовсе, а...

– Проститут, – вслух, но на всякий случай тихонько хихикнула Ксения. Городок Барселона ей определенно нравился.

За ее спиной дребезжало протяженное испанское «Р». «Проститут», рыдая, громко жаловался.

Набережная кончилась и Ксения вышла к обширному и хорошо освещенному устью того самого знаменитого бульвара, пройти по которому мечтала с тех пор, как увидела его по телевизору во время Олимпийских игр девяносто второго года. Мечта сбывалась.

...Десять дней назад их прямо из аэропорта повезли в курортный городок Матаро, так что красот каталонской столицы они миновали. Что увидишь из окошка микроавтобуса? А сегодня, проводив в аэропорт подружку Любу, кото-

рая после десяти дней бездельного лежания на жгучем песке в душевном беспокойстве рванула в Москву к горячо любимому, ужасно умному и, конечно, абсолютно беспомощному мужу, Ксения решила из оставшихся ей четырех дней в Испании сутки отдать Барселоне. Она сняла номер в недорогой гостинице, приняла душ, наскоро перекусила и приступила к делу. Сегодня вечером – набережная и бульвар, завтра в первой половине дня – художественная галерея и подробный осмотр архитектурных изысков гения модерна Гауди. А потом в электричку – и снова на песок, к морю.

Бульвар от моря слегка поднимался вверх, и она поднималась вместе с ним. Ветерок шевелил легкую юбку и приятно охлаждал влажную под забранными в конский хвост волосами шею. Сквозь резиновую подошву любимых китайских тапочек твердо ощущалась бетонная вытоптанность бульварной земли.

Вдруг неподалеку в фанерном сарае – летнем театрике – рывкнула музыка, и баритон зашелся в обязательном, в стиле диско, правда, «Очи черные, очи страстные!..».

– Во дает российская попса! – восторженно поделилась впечатлениями со встречным испанцем общительная Ксения. Испанец в ужасе замер, пробормотал на ломаном английском:

– Ноу спик спейн.

Ксения подмигнула остолбеневшему прохожему и пошла себе дальше.

Что-то разыгралась не ко времени. Она сделала серьезное лицо и стала с туристской деловитостью рассматривать людей, деревья, дома за деревьями.

Предупреждали же ее, предупреждали!

Пересекая бульвар, к ней стремительно приближался паренек. Ксения непроизвольно посторонилась. Проносья мимо, паренек рванул на себя ремень сумки, висевшей у нее на плече. Но смыться с добычей ему не удалось. Не она, Ксения, вспомнила уроки своего приятеля Жоры. Мгновенно вспомнила все машина из нервов и мышц, рефлекторно воспроизведя все, чему была обучена многомесячным тренингом. Носком китайской туфли (левая нога) легко ударила по отставшей пятке паренька, и он споткнулся о голень опорной своей ноги. Но до того как упасть, получил удар в солнечное сплетение опять же носком китайской туфли (правая нога). Третьим движением Ксения вырвала из ослабевших рук неудачника свою сумку.

Паренек рухнул. Он лежал на бетонной земле, естественно вывернув голову. Гулявшие по бульвару граждане, в отличие от российских собратьев, не проходили мимо, а сбивались в плотную толпу вокруг поверженного.

– Господи, – прошептала Ксения. И уже в голос простонала: – Господи!

– Русская? – радостно завопил какой-то великодержавный бас.

Вся толпа уже темпераментно гомонила. Ксения в ужасе

ждала, когда участливые испанцы обратят на нее осуждающие взоры. С родным басом она тоже еще не разобралась: не до него было. Но он не унимался.

– Это ты его заделала?

Она подняла глаза на не по-здешнему, а по-московски элегантному тридцатилетнему мэну и горестно призналась:

– Я.

– Тогда ноги отсюда надо делать, бабонька. Тебе что, неприятностей в России не хватает? Испанских хочешь?

– Я не знаю... – в растерянности пробормотала Ксения.

– Так я знаю. – Мэн потянул ее за ремень сумки. – Быстренько, пока на нас внимания не обращают.

– А как же он?

– Его заботы, – отмахнулся мэн и приказал: – Побежали!

И они побежали. Сначала под деревьями, потом через проезжую часть улицы и скрылись в узком безлюдном переулке. Здесь опять же не по-испански, а сугубо по-московски скособоچась (частью на дороге, частью на тротуаре), стоял бордовенький «фольксваген». Мэн заглянул в салон и злобно огорчился:

– Где этого идиота черти носят?!

– Кто вы? – наконец догадалась спросить Ксения.

– Я-то? – переспросил он и вдруг, глядя через ее плечо, заорал: – Я тебе что сказал?! Чтобы ты меня здесь ждал!

Приближалось нечто уже совсем русопятое: круглая рожа, круглое пузо, в джинсе и кроссовках до икр.

– Уж и в лавку забежать нельзя! – не оправдываясь, атаковал русопятый и для убедительности приподнял набитый пластиковый пакет. – Договорились без пятнадцати девять, а сейчас еще без двадцати.

Он открыл дверцу «фольксвагена», закинул на заднее сиденье пакет и уселся за руль.

– Кто вы? – опять спросила Ксения.

– Твой спаситель, дурочка! – кривляясь объявил мэн. – Туристка небось? В каком отеле остановились?

– Кто вы? – не унималась Ксения.

– Я – представитель московской мебельной фирмы «Колтунов и братья» в Испании, – важно представился мэн. В подтверждение достал из кармана шелкового пиджака визитную карточку и протянул Ксении.

– Аркадий Колтунов, – вслух прочитала она и догадалась: – Вы, следовательно, брат. Младший.

Мэн, он же Колтунов-младший, утвердительно и одобрительно заржал.

– А она-то кто? – осведомился из автомобильного окошка русопятый.

– Каратистка, – ответил за Ксению брат Аркадий. – Она на бульваре бегунка крепко заделала. Вот я ее от греха – мало ли там что! – решил припрятать. А то затаскают девицу-то!

– Как тебя зовут, каратистка? – полюбопытствовал русопятый.

– Ксения. Ксения Логунова.

– А меня – Дима. Садись, Ксюша. – Дима распахнул заднюю дверцу.

– Вы не бойтесь нас, Ксения, – сказал Аркадий, устраиваясь впереди рядом с Димой.

– А я и не боюсь. Вернее, боюсь. Но не вас, – сообщила – им или себе? – Ксения, поудобнее устраиваясь сзади. Рядом с ней, высовываясь из пластикового пакета зеленым боком, обнаружилась банка «севен-ап». – Можно я попыю?

Дима обернулся, вытянул шею, увидел банку и кивнул:

– Валяй.

Обернулся и брат Аркадий. Вдвоем они смотрели, как Ксения гулкими глотками пила из маленькой дырочки. Когда она остановилась перевести дух, Аркадий осторожно напомнил:

– Вы же не сказали, куда вас везти, Ксения!

Она сказала. Оказалось, совсем рядом. Портье, вручая ей ключ, ласково улыбнулся всем.

– Зайдете? – предложила Ксения, которую не радовало предстоящее одиночества.

– Зайдем? – формально поинтересовался мнением Димы Аркадий.

В номере Ксения уселась на кровать и спросила сама у себя:

– А что, если я его убила? – Извлекла из сумки носовой платок, горестно высморкалась и посмотрела на стоявших у дверей Диму и Аркадия. Аркадий, понимая, что вопрос

обращен не к ним, заговорил о другом:

– Так ты одна! Каким образом?

– Я с побережья подружку приехала проводить. На день. – Ксения встала с кровати, а им предложила: – Вы садитесь, садитесь, ребята. Чаю бы вам, да нет у меня ни чаю, ни чайника.

Уже расположившись в кресле, Дима сказал ни с того ни с сего:

– Тебе бы пожрать сейчас как следует, Ксюша.

– Не хочу, – сказала она, включила телевизор и защелкала кнопками пульта.

Викторина. Реклама. Сериал. Оглушительное фламенко. Автомобильные гонки. Снова реклама.

– Последние известия ищешь? – догадался так и не севший Аркадий. – Они по местному, по девятому, каналу в десять. – Он глянул на часы. – Через тридцать пять минут.

Ксения выключила телевизор и вдруг поняла, что ей необходимо сказать:

– Спасибо вам, братцы. За все.

– Значит, нам уходить? – понял Дима: вылез из кресла и поднял с пола пластиковый пакет. – Ты ведь теперь из номера не выйдешь. А пожрать тебе все-таки надо. – Он извлек из пакета хлебцы в целлофане, нарезанную ветчину в целлофане и две банки «севен-ап». Разложил все это на столе. – Рано или поздно все равно проголодаешься.

– Спасибо, – прошептала Ксения. Ей хотелось заплакать.

Но Аркадий не позволил, деловито спросив:

– Завтра электричка у тебя во сколько?

– В пятнадцать сорок.

– В девять еще в номере будешь? – Она кивнула. – Вот мы в девять и заскочим.

От дверей добряк Дима посоветовал:

– Держи хвост пистолетом!

Ушли. До десяти она смотрела фламенко. Одурела от стука кастаньет и каблуков и чуть не пропустила последние известия. Включила девятый канал, когда на экране по очереди говорили (один в Тель-Авиве, другой – неизвестно где) главный еврей и главный араб. Страсбург с темпераментными депутатами Европарламента. Прием у президента Аргентины. Голод в Судане. Наводнение на Филиппинах. Бой двух жирных боксеров. Наконец-то! Местные происшествия: собрание франкистов, автомобильная авария, задержание в порту мелкого наркокурьера. И все, пошла погода.

До часу ночи Ксения безрезультатно металась по всем телевизионным каналам. Английский фильм о сыщике Пуаро без интереса досмотрела до конца.

Не спала – мучилась в полусне.

С восьми утра вновь гоняла телепрограммы.

Аркадий пришел один с опозданием почти на час.

– А Дима где? – не зная, о чем спросить, поинтересовалась Ксения.

– По делам мотается, – печально ответил Колтунов-млад-

ший.

Она зачем-то продолжала спрашивать:

– По каким?

– По твоим, Ксения, – уже совсем грустно ответил Аркадий и положил на стол свернутую в трубку газету.

– В ней про меня написано? – ахнула Ксения.

– Да, – вздохнул он. – По-испански сечешь?

У Ксении дернулась щека. Но собралась, ответила твердо:

– Заголовок прочту. – Раскрутила газету, распахнула во всю ширину. – Где?

– На седьмой странице. В правом нижнем углу, – глядя в пол, объяснил Аркадий.

Резко повернувшись к нему, она взгляда его не поймала. Злобно поправила:

– Не страница, а полоса. – Долистала до седьмой полосы и, собрав в кулак английский, французский и латынь, перевела с испанского: – «Несчастный случай или непреднамеренное убийство?» – Сложила газету, свернула, как она была, в трубку и осторожно, словно гранату, положила на стол. На прежнее место. – Я убила его... – И закричала на Аркадия: – Да посмотрите же на меня!

Не поднимая головы, Аркадий посмотрел на нее заведенными под лоб коровьими глазами.

– Я убила его?

Ноги не держали. Она села на кровать.

– Этот дурак сам себя убил, – нехотя возразил Аркадий.

Достал из заднего кармана брюк фляжку, отвинтил колпачок и протянул ее Ксении. – Хлебни-ка коньячку. Тебе сейчас надо.

Она на автомате хлебнула и содрогнулась от отвращения. Не преодолевая, а продлевая отвращение, она сделала еще два полноценных глотка и вернула фляжку. Видимо, чтобы дать ей поскорее опомниться, он бурно и громко заговорил:

– Димка с нашим адвокатом уже с восьми зондирует почву. Валерий здесь уже пятый год, все входы и выходы знает. У него мать испанка, и он здесь, по сути дела, свой. И в газетах у него концы, и в муниципалитете, и в полиции. Так что мы досконально будем знать, что и как, и тогда решим, что нам делать. Я думаю, они вот-вот явятся.

– Нам, – сомнамбулически перебила Ксения. – Что нам делать – это мы решим. А что делать мне? Ведь я убила. Что мне делать?

– Хлебнуть еще, – решил Аркадий и опять вынул фляжку.

Аркадий не соврал: Дима с адвокатом объявились в номере в половине одиннадцатого. Адвокат Валерий был приветлив и покровительственен, что соответствовало имиджу солидного, все понимающего и если не все, то очень много могущего юриста. Склонив круглую голову, он без слов поздоровался с Ксенией (она тоже молча множественно покивала), положил папочку на стол и обратил скорбный, красноречивый взгляд на Аркадия. В ответ Аркадий сказал:

– Она прочла заголовок...

– И этого достаточно, – завершил фразу Валерий.

А Дима ничего не сказал. Он бухнулся на кровать рядом с Ксенией и ободряюще похлопал ее по спине.

Продолжал стоять один Аркадий, ибо юрист уселся за стол и зажурчал молнией элегантно папочки. Зачем – неизвестно, так как ничего из нее так и не достал. Видимо, хотел придать значительности последовавшей речи:

– Дела наши обстоят следующим образом, дорогая Ксения Валентиновна. Полиция пока на распутье, в этом газетный заголовок абсолютно точно определил ситуацию. Итак, закрыть дело или продолжить расследование? За первый вариант – никчемность личности погибшего (этот Хуанито хорошо известен в полиции как уличный вор) и, следовательно, причина смерти – перелом шейных позвонков при падении...

– Не надо, – попросила Ксения.

– Прошу простить за натуралистические подробности, но вам придется еще немного потерпеть. – Юрист был непреклонен. – За второй вариант – показания одного свидетеля, утверждающего, что Хуанито упал после столкновения с молодой женщиной. Этот свидетель довольно точно описал вас. И, наконец, заключение патологоанатома. В области солнечного сплетения погибшего – гематома, происхождение которой можно трактовать двояко: или от удара, вызвавшего падение, или собственно при падении. Я успел встретиться с неким господином, услугами которого пользуюсь при ула-

живании щекотливых дел. Он заверил меня, что человека, руководящего расследованием, окончательно и бесповоротно склонить к желаемому первому варианту возможно при определенных финансовых затратах с нашей стороны.

– Я не знаю, надо ли это делать... – робко начала Ксения, но яростный Аркадий заорал на нее:

– Надо, надо! – И к Валерию: – Сколько хотят?

– Десять тысяч... баксов, – назвал сумму юрист. Дима присвистнул и опять похлопал Ксению по спине. Аркадий кратко прокомментировал:

– Круто.

– У меня нет таких денег, – почти с облегчением призналась Ксения.

– У вас есть такие деньги, – грозно заявил Валерий. – И не только такие, Ксения Валентиновна. По странному стечению обстоятельств, именно я должен был встретиться с вами за четыре дня до вашего отлета в Мадрид, чтобы передать вам письмо и совершить все юридические действия, с этим письмом связанные. Но судьба распорядилась иначе. – Вот теперь ему и понадобилась папочка: из нее юрист извлек роскошный твердый конверт и передал Ксении. – Мы спустимся в ресторан, а вы прочтите это письмо в одиночестве.

Они ушли. Все трое. Медленно, тихо, словно оставляя молодую женщину наедине с дорогим покойником. И оказались правы: письмо, написанное острым, почти готическим почерком, было от покойника:

«Единственная любимая моя, внученька моя!

Ты прочтешь это письмо, когда меня не будет на этом свете. Рано или поздно это произойдет – не знаю, но, читая эти строчки и вспоминая о нашей прошлой жизни, хоть немного погрусти обо мне. И прости (умершим легко прощать) своего небезгрешного деда за все. Скверно я поступал или хорошо – не имеет значения, ибо поступал я так для того, чтобы всю долгую жизнь ты была покойна и счастлива. Счастье, вероятнее всего, тебе сможет дать кто-то другой, но благополучие, уверенность в завтрашнем дне я постарался тебе обеспечить.

Теперь о деле. Разговор я начну с лирических воспоминаний о мрачной осени девяносто седьмого. То были тяжелые для меня времена, но сейчас я вспоминаю их со слезой умиления, потому что мы были все вместе: ты, твоя мама и моя дочь Светлана и я – старый пень. Одним вечером я пригласил тебя в свой кабинет и попросил приложить правую ладонь к толстому и мягкому куску картона. Боже, как ты была прелестна, весело и послушно исполняя каприз вздорного деда!

Сейчас будь внимательна, Ксюша. Отпечаток твоей ладони, оставленный на картоне, единственно возможный кодовый ключ к моим счетам в одном из крупнейших швейцарских банков. В нем завещанное тебе мною состояние. Оно – твое, но не все: сорок процентов его принадлежит моим компаньонам. Ты переведешь эти сорок процентов на счета, которые укажет тебе человек, передавший это письмо. Он в

курсе, он знает все, он будет консультантом по всем твоим банковским делам. Без боязни доверься ему.

Помнишь, как мы с тобой рисовали смешную девчачью рожицу с косичками растопыркой на калитке нашей старой дачи? Это было последнее мое счастье, внучка.

Не стесняйся быть богатой. Богатство дарит стабильность и существенное право превосходства. Спокойно живи и уверенно радуйся жизни. А я уже умер.

Твой дед».

Глава 2

– Идут, – понял репортер и азартно приказал оператору: – Действуй!

Агрессивно, как моджахед ракету «стингер», прижимая к плечу камеру, оператор решительно рванул на передовую, к подъезду мирного замоскворецкого особняка, у которого в расслабленном ожидании стояли двое в камуфляже с автоматами наперевес. И боле – никого.

Но звериная интуиция не подвела репортера: раскрылась дверь и первыми вышли три милиционера в форме, которые тут же остановились на ступеньках, пропуская по одному весьма странных граждан – жеманно изящных, подчеркнуто беспомощных, в непонятных – не то мужских, не то женских одеждах. А вот и нестранные: по ступенькам спускались четверо солидных господ.

Неизвестно откуда рядом с оператором оказалась стая хищных и ухватистых молодых людей с телекамерами и фотоаппаратами. Как всполохи майской грозы, замелькали непрерывные вспышки. Обыкновенные господа поспешно закрывали лица – ладонью, рукавом, портфелем. Один из странных, в кудрях черных до плеч, эдакий оперный Ленский, потянулся к немолодому красавцу-аскету из нестранных, поцеловал его в щеку и утешил капризно-ласково:

– Не волнуйся, любимый, все уладится.

Молодец-репортер успел на эту реплику с микрофоном и записал-таки.

А остальная стая, радостно взыв, защелкала затворами фотоаппаратов с немыслимой быстротой.

Последним на крыльцо вышел милицейский майор, который добродушно объявил:

– Уважаемые пидары! Ландо подано!

И точно. Задом пятился на крыльцо «черный воронок». Так и не сумели представители средств массовой информации по-настоящему добраться до мужественного красавца-аскета. Он одним из первых без всяких просьб со стороны милиции поспешно взобрался по лесенке и исчез в черноте дверного проема тюремной перевозки. Последним возжелал уехать в «воронке» жирный лысоватый человечек, но твердой хозяйской рукой его придержал майор.

– Нет, Гарик, такой почетный гость, как ты, должен ехать только со мной.

– Не все ли равно, на чем в ментовку ехать? – философски заметил человечек.

– Не все равно, – уверенно возразил майор. – Свидетели мне нужны тепленькие, не проинструктированные тобой, Гарольд.

– Ты скажешь, – обиженно отбрехнулся Гарольд и полез в «Волгу» с мигалкой.

Кавалькада из четырех машин переулком двинулась к Полянке. Защелкали дверцы иномарок: репортерская братия

организовывала погоню.

Ехать было недалеко, до ближайшего отделения милиции, где начальствовал энергичный майор. Журналисты, кое-как припарковав поблизости свой автотранспорт, законопослушно ожидали конца выгрузки задержанных. Дождались и после еще терпели минут десять. Понимали: менты серьезным делом занимаются – сортируют, распределяют по камерам, их побеспокоишь не вовремя, потом путного слова не дождешься.

Выждав положенное, телевизионный репортер (он само собой определился как главный) для порядка глянул на часы и решил:

– Пошли!

Майор сидел в дежурной части на кресле, специально вынесенном из его кабинета. Сидел развалясь и щерился, как сытый волк. Когда наконец закрылась дверь, похвастался журналистской братии:

– Я его все-таки прихватил с поличным, пацаны.

Репортер выдвинулся вперед и выдвинул микрофон:

– Кого? Маркова?

– Какого, в задницу, Маркова! – восторженно обиделся майор. – Гарика Пузанова! Пофартило так пофартило! При-
тонодержательство, подпольные азартные игры, беспатентная торговля спиртным. Если не восемь, то пятерку я ему намотаю наверняка. Вся московская уголовка его пасла – и ничего. А я взял. Я везучий, ребята!

– А Марков? – настаивал репортер. Остальные не мешали ему: понимали – он сейчас о самом главном и самом важном.

– Какой еще Марков? – тупо и уже без энтузиазма повторился майор.

– Среди задержанных вами в гомосексуальном притоне лидер общественного движения «Патриот» – Марков.

– Иди ты! – возбужденно ахнул майор.

– И что вы можете сказать по этому поводу? – нажимал репортер, садистски ожидая неминуемого простодушного милицейского афоризма.

И добился своего. Майор двумя пальцами подергал себя за нос, одним пальцем почесал щеку и выдал:

– Какой он патриот, если он пидар!

... Не в криминальной хронике, не в «Дежурной части», не в «Дежурном патруле» – сюжет репортера прошел в основных новостях. На экране был выход, была тщетная попытка спрятаться, был поцелуй. Прозвучали и нежные слова ласкового партнера. А начинался репортаж обыденными словами: прошедшей ночью милицейской бригадой был ликвидирован тайный гомосексуальный притон. Среди задержанных посетителей притона оказался лидер движения «Патриот», возможный кандидат в президенты на очередных выборах Игорь Марков.

А молодежная газета осветила это событие с присущей ей прямоотой. Четверть первой полосы занимала фотография, на которой напудренный Ленский тянулся черными губами

к щеке пидара. А шапкой послужило бессмертное «мо» милицейского майора:

«Какой он патриот, если он пидар!»

Глава 3

Трое молча сидели в замызганной комнатенке, которую предоставил им начальник Хамовнического РЭУ, верный адепт движения. Молодой, прямой, как гвоздь, генерал в штатском пиджаке, который был на этих плечах чужим, нервный тридцатипятилетний интеллигент в вольном московском прикиде – джинсы, маечка под горло, клетчатая куртка-рубашка, и Игорь Тимофеевич Марков – при полном параде. Его сухое и острое лицо, лицо просто-таки Савонаролы, ничего не выражало. Это лицо ожидало и выжидало.

И дождалось: в молчании, изучив Игоря Тимофеевича пристальным командирским взглядом, генерал констатировал желудочным басом:

– С таким лицом – на костер за идею, а он – в бордель к жопникам.

Нервный интеллигент ногтем большого пальца провел по бумажному, заляпанному чернильными пятнами покрытию хилого письменного стола, сморщился, простонал сквозь зубы и мягко попросил генерала:

– Не надо так, Алексей Юрьевич.

– А как надо?! – рявкнул генерал.

– Не знаю, – беспомощно признался интеллигент.

– То-то! – неизвестно чему обрадовался генерал и спросил у Маркова: – Ты хоть от журналистского хвоста отрубился?

– С каких это пор вы со мной на «ты», Алексей Юрьевич? – высокомерно поинтересовался виновник торжества.

– С тех пор как увидел твой сладкий поцелуй с волосатым педрилой.

– Все, что случилось со мной, подлая и изощренная провокация! – наконец-то на повышенных нервных тонах сделал заявление возможный кандидат в президенты. – Это подстроено, и подстроено нашими врагами!

– Твоими, – поправил его генерал. – Так как насчет хвоста? Нам с Иваном очень бы не хотелось сегодня беседовать с журналистами.

– Нету никакого хвоста, уж поверьте профессионалу.

– И на том спасибо.

Замолчали. Первым не выдержал паузу Игорь Тимофеевич.

– Вы же знаете, что я не педераст!

– Откуда? – вяло полюбопытствовал генерал.

– Мы ведь много месяцев были вместе, постоянно сотрудничали, ежедневно лично общались...

– От близкого личного общения с тобой каждая нормальная мужская особь, подозреваю, может сделать как раз обратный вывод, – издевательски заметил генерал.

– О чем вы, о чем? – горестно взвыл интеллигент Иван. – Вы были нашим знаменем, Игорь Тимофеевич! Человек, в недрах КГБ боровшийся за справедливость, человек, пострадавший за это, человек, в годы перестройки разоблачав-

ший беспринципность и двуличие власти, человек, все последующие годы твердо стоявший на позициях чести, достоинства и бескорыстия. Человек – знамя! И это знамя упало в грязь.

– И это знамя не следует поднимать из грязной лужи. Негигиенично как-то. Да и кто пойдет за грязным знаменем? – дополнил монолог хладнокровный генерал.

Вот и о главном. Марков с кривой понимающей улыбкой спросил:

– Чего вы от меня хотите?

Три канцелярских стола было в комнате. На каждого по столу. Генерал Алексей Юрьевич выпростался из-за своего и стал посреди помещения для того, чтобы вещать поубедительнее:

– Сегодня же ты сделаешь заявление в печати. Первый пункт – то, в чем ты безуспешно пытался убедить нас. Провокация там, враги всякие. Второй пункт. Скомпрометированный, ты (облыжно или по делу – неважно) в связи с тем, что не хочешь и не имеешь права бросить хоть какую-то тень на святое дело общенародного движения «Патриот», выходишь из него на время, которое может понадобиться для выяснения истины и полной твоей реабилитации. Всего два пункта, Игорек.

– Которыми я косвенно признаю свою вину, – продолжил за генерала ставший вдруг ироничным Марков. – А я не виноват.

Глаза генерала округлились в царском гневе. Он сделал два шага, уперся ладонями в стол, за которым сидел Марков, склонился над ним и спросил, задушевно спросил:

– Тебя что, в этот бордель за руки, за ноги насильно тянули?

Вскинулся и возможный кандидат в президенты. Секунд десять играли в гляделки. Первым понял идиотизм этой дуэли генерал. Он ухмыльнулся и заметил:

– Фильм ужасов «Испепеляющий взглядом». Никого-то ты не испепелишь, дорогое ты наше знамя.

– Я сделаю заявление в печати, – очень тихо сказал Марков. – Но уж, извините, не под вашу диктовку. Я полностью отрицаю какую-либо свою вину, и только. Вопрос же о моем пребывании в движении будете решать не вы, а исполнительный совет.

– Думаешь, за тебя заступятся? – искренне удивился генерал.

– Не думаю, а знаю. – Марков уже презирал и крутого генерала, и интеллигентного слюнтяя Ванюшу. – Вы слегка забылись, молодые люди, и запутались в табели о рангах. Вы – фигуры с плаката, на котором в обязательном порядке рядом со мной, лидером, должны быть доблестный воин и высоколбый интеллектуал. Но такие вы только на плакате. А на самом деле один – армейский дешевый остряк с закорючатыми мозгами комроты, а другой – посредственный спи-райтер. Я сделал вас своими заместителями для антуража.

Неужели вы этого не можете понять? Трезвые функционеры «Патриота» твердо знают, кто является истинным мотором нашего движения. Я, один я обеспечиваю финансирование, а без финансовой поддержки «Патриот» развалится, как картонный домик.

– Высказался? – поинтересовался генерал.

– Высказался, – согласился Марков. – И в связи с этим считаю, что делать мне здесь больше нечего. До встречи завтра на исполнительном совете. Прошу не опаздывать.

И начал протискиваться между стеной и столом к выходу. Доблестный воин Алексей Юрьевич не сдержался, дал волю своему армейскому остроумию:

– Ты покойник. И у нас с Ваней только одна проблема: какие цветочки высадить на твоей скромной могилке.

Марков уже в дверях ехидно сообщил:

– Обожаю гиацинты.

И демонстративно захлопнул дверь.

Алексей Юрьевич присел не за стол, а на стол. Осведомился у высоколобого интеллектуала:

– Какова вероятность подобного расклада?

– Восьмидесятипроцентная, – вяло ответил интеллектуал.

– Значит, мы проиграли?

– Вероятнее всего.

– А тебя это вроде бы и не колышет?

– Уже не колышет, – с поправкой согласился Иван.

– По причине?

– Во время разговора с ним, Леша, я осознал полную безнадежность нашего положения.

– Это почему же? – возмутился генерал.

– Он – покойник. Ты верно сказал. Но не он один. Народное движение «Патриот» – тоже труп. Кто на определенном этапе погубил коммуняк? Самый главный радетель, Егор Лигачев. Всего лишь одной фразой: «Борис, ты не прав». Движение «Патриот» погубил простодушный мент, произнесший: «Какой ты патриот, если ты пидар!» Представь себе многотысячный митинг, на котором ты гроыхающим басом начинаешь речь: «Наше народное движение “Патриот”»... И вдруг кто-то из толпы, а такой обязательно найдется, звонким ироническим тенорком: «Какой ты патриот, если ты пидар!» И все. Ты можешь говорить что угодно, как угодно, кому угодно – тебя не услышат.

Глава 4

Они оба обожали русскую природу. Предаваться любви они предпочитали на ее лоне. У них был излюбленный уголок в глухих лесах к северу от Москвы. Там, на краю громадного оврага, среди сосен и елового подлеска, они ставили палатку и в ней проводили бурные часы и дни. Так было и сейчас.

Уже после сладостного процесса, нежно массируя спину расслабленно лежавшего на животе Ленского, мускулистый кудрявый блондин, тот, что в старину звался бы рубахой-парнем, а по терминологии советского театра проходил бы как социальный герой, заметил на тонкой розоватой коже любовника-любовницы некое голубое затемнение, до огорчения обеспокоившее его.

– Тебя били в милиции, родной! – скорбно воскликнул он.

– Ну что ты! – тягуче, в полусонной истоме опроверг его предположения утомленный Ленский. – В принципе, милиционеры – симпатичные ребята. Здоровые, простые, неискушенные...

– Тогда откуда у тебя синяк на спине? – уже неласково спросил социальный герой.

– Как говорили чеховские сестры: «Если бы знать! Если бы знать!» Скорее всего, когда нас заталкивали в эту машину, кто-то случайно и неловко ударил меня.

– Не кто-то, а твой новый любовник, этот Марков!! – вскричал рубаха-парень.

– Да пойми же ты! – прорычал окончательно проснувшийся Ленский. – Не было у меня ничего с этим Марковым, не было!

– Ты мне напоминаешь другую чеховскую героиню, которая, переспав со всеми, с кем только можно, упрямо повторяла следователю: «Жила только с вами, больше ни с кем!»

Ленский резво перевернулся на спину и, широко раскрыв глаза, с ужасом возмутился:

– Ты не веришь мне!

– Ты целовал его.

– Меня попросили, и я поцеловал.

– Конечно же, он попросил – и ты поцеловал. И не только поцеловал!

– И вовсе не он!

– А кто же?

– Да журналист один.

– А зачем на крыльце и со словами? Все-то ты врешь! Марков так тебе понравился, что ты не мог с ним просто так расстаться?

– Ну как мне убедить тебя, что я говорю правду! Журналист просил, чтобы я поцеловал его именно на крыльце и именно с этими словами.

– Откуда знал этот журналист, что вас всех вместе выведут?

– Он знал. Не знаю откуда, но знал.

– И ты по просьбе неизвестного писаки поцеловал Маркова! – Сарказму рубахи-парня не было предела.

– Почему «неизвестного»? Помнишь, кто у тебя анонимное интервью брал для журнала «Мужчина и женщина»? Это он, он!

– Я тебе не верю. Почему, ну почему ты его поцеловал?

– Ну забавно же! Может быть, я будущего нашего президента поцеловал. Да и вообще, он на кондотьера из пушкинского музея похож!

– Он на кондотьера, а ты – на его коня! – опять разыграло ретивое у рубахи-парня. – И долго кондотьер на тебе верхом скакал?

– Я ни в чем не виноват, но ты прости, прости меня! – пафосно заныл Ленский и, зная, чем заткнуть фонтан ревности, легкими руками, мягкими губами потянулся к ревнивцу.

...Ленский сладко спал. Рубаха-парень вышел из палатки. Сквозь нетронутую роскошную хвою ослепляющими клочьями пробивалось низкое солнце. Стараясь не шуметь, рубаха-парень прогулялся, но недалеко: метрах в двухстах стояла его «шестерка». Он открыл багажник, извлек из него лопату и моток нейлоновой веревки.

В крутом склоне оврага он за полчаса вырыл аккуратную нишу. Отдохнул немного; оставив лопатку на земляном холмике, вернулся в палатку и присел рядом с Ленским, по-буд-

дистски скрестив ноги. Ленский спал. Рубаха-парень, он же социальный герой, осторожно стянул плед. Ленский спал абсолютно голым, и им голым рубаха-парень полюбовался, еле прикасаясь, погладил его. От затылка до пят. Ленский сладострастно захныкал во сне. На миг проснулся, чтобы сказать.

– От тебя так чудесно пахнет потом, милый! – и вновь заснул.

– Спи, спи, – на всякий случай убаюкивающе пожелал тот, кого назвали милым, подождал недолго, извлек из кармана похожий на клубок бабушкиной шерсти для вязания моток нейлоновой веревки, осторожно приподнял голову спящего и завел под шею полутораметровый конец мотка. Ленский повздыхал во сне.

– Прощай, любимый, – вздохнул рубаха-парень и мощно стянул удавку.

Ленский вскинулся, пытаясь вырваться из петли, но что-то хрустнуло в горле, и он обмяк. Куда геттингенской душе до мощи социального героя!

Сделав узел на удлинившейся шее, рубаха-парень за веревку поволок тело к только что открытой нише. Труп легко скользил по траве. Все правильно рассчитал: тело, которое он осторожно скатил по горке, легло в приготовленную яму. Только безвольная рука вывалилась. Рубаха-парень поцеловал эту руку, уложил ее как положено, заплакал и, плача, лопатой закидал могилку землей.

Глава 5

Осторожно переставляя ступни сорокового размера, она шла по парапету, отделяющему Воробьевы горы от Москвы, и, приветствуя лежавший внизу и вдалеке огромный варварский город, легко помахивала букетом роскошных роз.

Он, обеспечивая равновесие, страхуя ладонью, глядел на нее – снизу вверх. Рассмотрел:

– Вы похожи на мечту моего детства – Дину Дурбин.

Она одарила его улыбкой (зубы были, правда, плоховаты); ловко спрыгнула и с гордостью ответила:

– Мне все об этом говорят.

Она и впрямь была похожа на Дину Дурбин. Но, скорее, не на саму актрису, а на ее скульптурное изображение, которое, как и положено произведению монументального искусства, было в полтора раза больше оригинала. Став рядом с ним (они были одного роста), новоявленная Дина Дурбин понюхала свой представительный букет, кокетливо несколько раз моргнула широко распахнутыми бледно-голубыми глазами и снова улыбнулась.

– Ну и как вам после трехлетнего перерыва наша Москва? – дежурно спросил он.

– Она всегда страшная. Я боюсь этот город. – В речи мраморной Дины вдруг прорезался акцент. Не английский – чухонский.

– Я вам не верю, Эва. Вы ничего не боитесь. – Видимо, это был комплимент.

– Вы ошибаетесь, Альберт. Я очень боюсь мышей, – призналась Эва-Дина и гулко засмеялась. Коротко отсмеявшись, задала быстрый и резкий вопрос: – Когда мы поговорим о деле?

– Уже налюбовалась Первопрестольной? Тогда прогуляемся к университету, – так косвенно он ответил на ее вопрос. Они перешли проезжую часть Воробьевского шоссе и вольно зашагали широкой аллеей без деревьев. Отсюда видны были и смотровая площадка, и боковые в купах зелени дорожки, и площадь перед высотным зданием.

– Почему свидание у нас здесь? – капризно поинтересовалась Эва. – Сюда очень неудобно ехать на городском транспорте.

– Здесь легко просечь вашего спутника, если он попытается приблизиться к нам на нежелательное для меня расстояние.

– Ха-ха-ха! – опять отчетливо засмеялась Эва и, опять резко прервав смех, предложила: – Говорите, Альберт.

– Вы нужны.

– Об этом не надо говорить. Об этом вы сказали в телефонном разговоре. Нужно говорить о том, когда и кому.

– А «кого» – вас не интересует?

– Пока нет.

Он коротко глянул на мило вздернутый нос, пухлые губ-

ки, длинные, в меру покрашенные ресницы и монотонно ответил:

– Насчет «когда» и «кому». Сроки определены весьма условно: от двух недель до двух месяцев. Не раньше чем через две недели и не позднее чем через два месяца. При получении вашего согласия вам вручается аванс в размере двадцати тысяч долларов, который не подлежит возвращению даже при отмене или неудаче операции. Это – «когда». А по поводу «кому»... Неужели это для вас так важно?

– Не важно. Но интересно, – разъяснила Эва свою позицию, хотела было захохотать своим железным смехом, но сдержалась, по-девичьи прикрыв пухлый роток ладонью.

– Одним из обязательных пунктов нашего устного договора станет пункт о полном инкогнито заказчика, – твердо сказал Альберт.

– Какое красивое слово – инкогнито! – спохватилась Эва. – Значит, через две недели. Я тогда поеду домой.

– Нет.

– Почему?

– Без объяснений. У вас есть в Москве берлога?

– Я не понимаю.

– Место, где бы вы могли прожить эти две недели в тайне от всех. Конспиративная квартира.

– И в тайне от всех изучать объект? – попыталась догадаться она.

– А зачем вам его изучать? Вам одинаково не жалко каж-

дого из русских. Как вы вслед за немцами нас зовете? Русские свиньи? Какая разница: эта ли свинья, другая...

– Значит, сидеть в своей тюрьме и ждать.

– Да, – согласился Альберт. Добавил только: – И изредка в условленное время звонить мне по телефону.

– Альберт, вы очень немолодой человек, – вдруг сказала она. – И занимаетесь такими делами. Не страшно перед Богом?

Альберт ухмыльнулся невесело и ответил:

– Бога нет. – И сам быстро спросил: – Наш договор вступает силу?

– Да.

Вынув из внутреннего кармана легкой куртки тяжелый конверт, он передал его Эве. Она небрежно швырнула конверт в вязаную сумочку. Помолчали.

– Помимо денег, там два мобильника и два телефонных номера – основной и резервный, – сообщил Альберт. – А теперь познакомьте меня с вашим спутником.

– Это входит в условие нашего договора?

– Вообще-то нет.

– Тогда и я говорю: нет.

– Почему?

– Знаете, как переводится слово «снайпер»? По смыслу так: «стреляющий из укрытия». Он – мое укрытие.

– Не укрытие, – пробормотал он, – а накрытие. Покрытие...

Она поняла, что Альберт сказал непристойное.

– Мы кончили разговор? Тогда я пойду. До свидания.

– Привет спутнику! – крикнул он вслед. Пройдя несколько шагов, Эва остановилась, обернулась, понюхала букет и швырнула его в урну, грубо покрашенную серебрянкой.

Глава 6

В аэропорту Ксению встречали Люба и ее неприспособленный к жизни супруг Глеб, который все-таки обладал одним бытовым достоинством – бойко водил новенькую «фелицию» – свадебный подарок любимых родителей. Почти все время ехали в молчании: разговаривать Ксению не было никакой возможности. Через полтора часа они были в дачном поселке, где обитали самые близкие и любимые Ксенией люди – пожилая, чтобы не говорить «старая», чета Смирновых-Болошевых. Молодые супруги, сдав молчаливую девицу с рук на руки, умчались по своим делам в Москву.

...Хорошо было на даче у Смирновых-Болошевых. На широкой скамье, в плетеных ивовых креслах-качалках, на зеленой ухоженной траве в тени вольно растущих кленов и лип. Хорошо вообще. Но не Ксении в частности. Она очень старалась, чтобы слезы не появились на глазах, но потом-таки захлопала. Отставной милицейский полковник Александр Иванович Смирнов, горестно сострадавая, наблюдал за Ксениными манипуляциями с носовым платком. Понаблюдал и попытался взбодрить девочку:

– Ты, естественно, почувствовала себя виноватой до конца жизни и безмерно обязанной Аркадию, Диме и Валерию за то, что они спасли тебя от испанского узилища. Так ведь?

– Да, – призналась Ксения.

– Ну а дальше что? – впроброс и без азарта поинтересовался еще один отставной полковник милиции. Вернее, поинтересовалась. Полковник Лидия Сергеевна Смирнова-Болошева. Она, полуприкрыв глаза, легко качалась в кресле.

– А дальше Валерий и я вылетели на маленьком самолете и через два часа были в Цюрихе. У Валерия, как я думаю, все там было подготовлено, до вечера мы успели сделать, что велел дед. К ночи мы возвратились в Барселону, откуда Дима отвез меня в Матаро.

– Как же ты эти три дня жила, девочка? – ужаснулся Смирнов.

– Не знаю. И не особо помню, – призналась Ксения. – Все эти дни я лежала в номере одна. Я хотела вызвать вас, я хотела сдать себя властям, а иногда хотела умереть. Но ничего не делала, потому что не могла. Просто лежала.

– Ты дура, Ксюша, – продолжая раскачиваться, уверенно констатировала Лидия Сергеевна с веселой участливой улыбкой на ласковом лице.

– Да, – с готовностью согласилась Ксения.

– Она еще маленькая, Лида, – мягко возразил Смирнов.

– Пора бы и поумнеть. Да и за три года, что живешь с нами, кое-чему могла бы научиться. А тебе только Жоркины уроки впрок пошли: беглеца по пятке бить, подсечки делать... – Лидия Сергеевна была добродушно-насмешлива. – И перестань нюни распускать, надоело.

– Я человека убила, – с неосознанной трагической гордо-

стью произнесла Ксения.

– Да никого ты не убила! – как от чего-то сильно надо-
евшего отмахнулся Смирнов. – Тебя, юную идиотку, разве-
ли элементарной залепухой. Как в свое время говорили мои
клиенты, взяли смехача на характер.

– Дурой называть ее нельзя, а идиоткой можно, – уличила
мужа Лидия Сергеевна.

– Именно так, – подтвердил Смирнов. – Дура – это наве-
гда, а идиотка – временно. Каждый может в определенных
обстоятельствах стать идиотом на время. Время это прошло,
и наша Ксюша – уже, разумеется, сообразительная и, с опре-
деленным допуском, умная гражданка.

Тайм-аут для обмена репликами они взяли только затем,
чтобы Ксения осознала сказанное Смирновым, осознала и
пришла в себя. И она пришла в себя и осторожно посомне-
валась, отчаянно надеясь, что сомнения беспочвенны.

– Александр Иванович, а вы случаем не Лука?

– Какой еще Лука? – тупо спросил Смирнов.

– Из пьесы Горького «На дне». Ну тот, который всех уте-
шает.

– Начитанная! – обиженно отметил полковник. Лидия
Сергеевна тихо веселилась. Он глянул на нее, и она взяла
слово:

– Девочка! Твой покойный Хуанито (Хуанито он или не
Хуанито – неважно), получив оговоренную мзду, предает-
ся сейчас в Барселоне всевозможным радостям жизни. То,

что произошло с тобой, элементарная подстава. Ты же, моя крошка, в тот день и следующее утро смотрела все местные телевизионные программы. И ничего?

– И ничего, – тихо подтвердила Ксения.

– Допустим, не убийство, а несчастный случай. Но все равно погиб, как утверждает твой Валерий, известный бульварный воришка. Показать его тело, порассуждать о логическом конце несправедливой души – это ли не лакомый кусок для репортера? Как называлась газета, которую тебе показывал Аркадий?

– Не знаю.

– Ты прочла только заголовок, а не заметку?

– Да.

– А куда делась эта газета?

– По-моему, Аркадий забрал ее с собой, когда они уходили в ресторан.

– И больше ты этой газеты не видела?

– В Матаро на следующий день я обошла все газетные киоски. Этой газеты не было. Единственный раз для этого вышла из номера.

– Ты и не могла найти ее. Газета, показанная тебе, существовала в единственном экземпляре. Тебя нагло обманули, чтобы запугать.

– Зачем? – жалобно спросила Ксения.

Встрял Смирнов:

– Чтобы ты ощущала себя виноватой перед всем миром и

чтобы потом из тебя веревки вить. Операция элементарная, как голая обезьянья жопа...

– Саша! – для порядка осудила его Лидия Сергеевна.

– Как голая обезьянья задница, – поправился Смирнов. – Но психологический расчет абсолютно точен: тебя повели к кассе, как телку на веревочке, а ты, телка, покорно пошла.

– Зачем же так подло, так жестоко! – страстно воскликнула Ксения.

– Они, вероятнее всего, хорошо подготовились к встрече с тобой и достаточно точно вычислили твою, мягко говоря, гордую и неуправляемую натуру. Просто так, в спокойной обстановке, прочтя письмо, ты бы отправилась в полулегальный безвизовый полет с неизвестным человеком? – Лидия Сергеевна была участлива, как врач при больном.

– Скорее всего, нет, – сказала Ксения.

– И не отстегнула бы безропотно хлопотливым марвихерам сорок их процентов?.. – не спросил – решил Смирнов.

– Я бы вообще к этим деньгам не прикоснулась.

– Вот и чудесненько, – обрадовался Смирнов. – Так ты убивала, Ксюша?

– Я не убивала, – ответила Ксения.

– Во первых строках нашего письма мы сообщили нашей дорогой кобылице, что она не душегуб. Что мы ей напишем во вторых и в третьих строках, Лидуша?

– Временно отодвинем нашу девочку в сторону... – начала было Лидия Сергеевна, но Ксения азартно перебила:

– Это почему еще временно? – полагая, что ее всего лишь временно не соотносят с псевдодубийством и прочими безобразиями, но ушлый Смирнов тотчас вмешался:

– Так ты желаешь тихо уйти в сторонку навсегда и спокойненько все забыть?

– Не-ет, – неуверенно возразила Ксения.

– Бунт на корабле подавлен. Продолжай, Лида.

– Временно отодвинув нашу девочку в сторону, попытаемся разобраться с ее контрагентами. Твои соображения, Саша?

– Операция не самого высокого уровня и весьма примитивно разработана. Но это, однако, ни о чем не говорит: они с большой долей вероятности были уверены, что такой дешевой инсценировки вполне достаточно для достижения необходимого результата. И они его добились: наша впечатлительная Ксения отвела их к закромам. Высокий профессионализм ощущается только в двух аспектах: точное и всестороннее знание характера объекта и выбор времени и места проведения операции. Эмоциональная уязвимость от одиночества в чужом городе – никто не поймет, никто не поможет, катастрофа, и вот они, спасители. Но рядом – нечто вопиющее, никак не соотносящееся с осторожностью и осмотрительностью, присущими истинным профессионалам. Изучив Ксюшу, ее образ жизни и наверняка ее окружение, они не могли не знать, что рано или поздно она расскажет нам все как на духу. Ведь в этом смертельная для них опасность. –

Смирнов незаметно глянул на Ксению – не иронизирует ли девица по поводу хвастливого старческого самомнения. Не иронизировала. Поспешно продолжил: – Не мы, старые перчатки, страшны для них, страшны наши связи, страшны наши бывшие сослуживцы, страшны наши ученики. Они ужасно рискуют, они непозволительно рискуют, но делают это. Причины, причины? Почему? Говори, Лида. Твоя очередь.

Ксения хрюкнула, не сдержавшись:

– Дуэт «Чай вдвоем».

– «Скромнее надо быть с несчастьем таким и в ваши леты», – процитировал Смирнов и пообещал: – Ваш номер шестнадцатый, мадемуазель. Вас еще вызовут.

Лидия Сергеевна переждала трепотню и приступила:

– Деньги. Но не просто деньги. Годы они лежали в швейцарском банке, и эти господа не рыпались. А чего, казалось бы, проще! Подпустить к импульсивной нашей девочке темпераментного и искреннего красавца; не торопясь, следить за развитием романа и, убедившись, что добились необходимой кондиции, спокойненько направить ее ладошку к банковским сейфам.

Поначалу Ксения и сказать ничего не могла от негодования. Все же прорвалась:

– До кондиции! Я вам не Никулин из «Бриллиантовой руки»! Искреннего красавца! Я вам что – идиотка?!

– Идиотка, – напомнил Смирнов. – И только что ты согла-

силась с этим.

– Да ну вас! – Ксения обиделась.

Лидия Сергеевна подмигнула Смирнову и продолжила:

– Да мало ли у них было да и могло еще быть возможно-стей. Но они, как ты верно заметил, страшно рискуя, сделали это сейчас. Вывод один: им нужны деньги именно сейчас, сегодня, иначе что-то сорвется окончательно. Что-то для них чрезвычайно важное. А самое важное для них – все те же деньги. Ксюшкины деньги – трамплин к еще большим деньгам.

– Ты очень богатая, Ксюшка? – быстро спросил Смирнов.

– Страшно сказать... – призналась Ксения, но называть сумму Лидия Сергеевна ей не позволила.

– Одного «страшно» вполне достаточно. Если понадобится, ты потом уточнишь. Так вот, дорогие мои, две загадки нам пока не по зубам. Первая – кто они, вторая – какое подлое и мерзкое дело они задумали.

– Обязательно подлое и мерзкое? – спросила Ксюша.

– Обязательно, – подтвердила Лидия Сергеевна.

– Ну вот и разобрались, что будет во вторых строках нашего письма. Приступим к третьим строчкам. – Смирнов, покряхтывая, выкарабкался из качалки и присел на твердую, навсегда вкопанную широкую дубовую скамью. Рядом с Ксенией, но на некотором расстоянии, что позволяло без наглости девицу рассматривать. – Мы-то все с намеками да пере-плясами, а надо прямо сказать: ты нас сильно огорчила, доч-

ка.

Никаким кровным родством с ними не связанная, Ксения Логунова за шесть лет стала для Смирновых-Болошевых и дочкой, и внучкой. Вдвойне любимой. Шесть лет тому назад дочь процветающего банкира, внучка по крови в свое время третьего человека в Советском государстве, а потом анонимного и, по сути, фактического властителя могущественной финансовой империи, ушла из постылого дома – от несправедного богатства, от лживости и коварства, от неискренности до лицемерия. Враги-конкуренты властителя начали охоту за ней, пытались использовать ее для шантажа. Сама того не зная, Ксения в один момент могла бы погубить и империю, и ее властителя.

Любимый ученик Смирновых-Болошевых сыщик Георгий Сырцов, занимавшийся по просьбе матери Ксении ее поиском, осознал всю опасность положения. Найдя девицу, он спрятал ее в доме своих учителей. Атмосфера этого дома, с его открытостью, веселым доброжелательством, легким и простодушным отношением друг к другу, безоговорочной приверженностью к правде и юмору, полонила намаявшуюся юную душу. Ксения прикипела к этому дому навсегда.

В страшной тайной войне погиб отец Ксении, покончила жизнь самоубийством мать, умер после двух инсультов дед, для которого громадные деньги были лишь средством достижения безграничной власти над людьми.

Все наследство, официально доставшееся ей в России

от родителей и деда, Ксения, по совету Смирновых-Болошевых, не отдала безличному государству, а направила на строительство больничного комплекса в Подмосковье. Себе позволила лишь одно: купила хорошую четырехкомнатную квартиру, надеясь, что зиму Смирновы-Болошевы будут проводить не в промерзшем безлюдном дачном поселке, а вместе с ней в Москве, в их новой просторной благоустроенной квартире. Но старики желали жить на свежем воздухе круглый год, а Ксения желала жить рядом со стариками. И шикарная квартира использовалась лишь для их редких визитов по делам в Москву да довольно частых сначала студенческих, а теперь аспирантских сборищ Ксюшкиных друзей.

Ксения поняла, что от проницательных ее стариков не скроешься. Она осознала безнравственность лукавства, с которым полупривирая-полуумалчивая пыталась выставить себя лучше, чем она есть на самом деле. Как хотелось убедить их, что она, невинная девочка, попала в сети и выпуталась из них только сейчас с помощью их милицейской прозорливости. Как не хотелось признаваться в том, что уже в самолете заподозрила – ее облапошили; как не хотелось говорить о том, что она, купив ту самую газету в киоске и не найдя той заметки, поняла – она не убивала; как не хотелось обнаруживать свою беспомощность, бессилие и оправдывать бездействие тех трех дней, что валялась в номере на кровати!..

– Я не хотела вас огорчать. Именно поэтому я...

– Именно поэтому ты огорчила нас еще больше, – продолжила за Ксению Лидия Сергеевна. – Ложь начинается с умолчания, девочка. Умолчание, малое вранье, бессовестная ложь, и вот она – страшная уничтожающая человека неправда. Беги от этого!

Ксения поднялась со скамейки, подошла к Лидии Сергеевне, присела на корточки, уткнулась лицом в ее колени и глухо призналась:

– Мне стыдно. Простите меня.

– Вставай, тетеха, – вздохнув, приказала Лидия Сергеевна. Тетеха подхватила, вскочила и молниеносно поцеловала полковника-полковницу в щеку.

– А как вы догадались? – простодушно поинтересовалась Ксюша.

– Мы просто более высокого мнения о твоих умственных способностях, чем тебе кажется. И, естественно, сами не дураки, – нарочито проскрипел Смирнов.

Скрипучесть не ввела Ксению в заблуждение – прощена, прощена. Вернулась к скамейке, поцеловала его в макушку и похвасталась:

– А я вам испанского вина привезла, самого лучшего!

– Спасибо. – Смирнов взял ее за запястья, требовательно заглянул в глаза: – А еще чего привезла?

Естественно, не о подарках шла речь. А о том, что она собирается предпринимать. Ксения поднатужилась (как еще отнесется к ее поступку щепетильные полковники) и, ре-

шившись теперь говорить только правду, произнесла невинным голосом:

– Кучу кредитных карточек.

– Как я понимаю, ты собираешься финансировать расследование. Ты действительно хочешь узнать, на что пойдут эти сорок процентов?

– Я хочу узнать, кто эти мерзавцы.

– Вот это как раз совсем не интересно, – вступила в разговор Лидия Сергеевна и, встав с качалки, уселась рядом с ними на скамью. – Мерзавцы все одинаковые, как пятаки. Мерзкие, и все тут, больше ничего. Но запущенные мерзавцами в мерзкое дело деньги могут наделать очень много бед.

– Все. Вы завелись! – Ксения левой рукой обняла Смирнова, правой – Смирнову-Болошеву и до нежного касания сблизила три головы. – Господи, как я вас люблю! Зов трубы – и вы в походе! Любопытные мои.

Смирнов щекой – с утра брился, а вот опять щетина – шестяще потерся об упруго шелковистую Ксюшкину. Занудным голосом постарался отвлечь от телячьих нежностей:

– Нам с тобой сейчас не до любопытства, жизнерадостная ты курица. Им только по крайней необходимости пришлось дать тебе кончик запутанного и грязного клубка. Распуташь ты этот клубочек с нашей помощью или не распуташь – дело второе. Главное – ты опасность, реальная опасность для них.

– Главная опасность для них – это вы, – успела вставить фразочку Ксения.

– И мы. Потому что теперь кончик и в наших руках. Так что нам не любопытство удовлетворять надо, а защищаться.

– Хватит, – вдруг резко сказала Лидия Сергеевна и поднялась. – В дом, все в дом. Стол нас ждет. И доставай свое хваленое испанское вино!

Глава 7

Он сидел в комнате без окон на единственном здесь вертящемся конторском кресле перед зеркальной стеной, где отражались и он, и кресло. Он сидел и ждал. Ждал и дождался голоса ниоткуда:

Голос. Ваша фамилия, имя-отчество?

Он. Корнаков Василий Федорович.

Голос. Возраст?

Он. Третьего августа исполнится тридцать четыре года.

Голос. Род занятий?

Он. Какого черта! Вы же все это знаете из моей автобиографии!

Голос. Род занятий?

Он. Военнослужащий.

Голос. Звание?

Он. С января – полковник.

Голос. Награды?

Он. Если вы меня видите, то видите и награды.

Голос. Награды?

Он. Звезда Героя России.

Голос. Вы женаты?

Он. Был. Разведен.

Голос. По чьей инициативе? Вашей? Жены?

Он. По обоюдному согласию.

Голос. Кто-то предложил, а кто-то согласился. Кто предложил?

Он. Разве это так важно?

Голос. Вы приняли наше условие не задавать вопросов. Кто предложил?

Он. Жена. Бывшая жена.

Голос. После развода вы живете активной половой жизнью или воздерживаетесь?

Он. Воздерживаюсь. Воздерживаюсь от ответа на подобные вопросы.

Голос. Вы сдержанный человек?

Он. Вы могли убедиться. Вполне прилично веду себя, отвечая на ваши вопросы.

Голос. Интересует ли вас личность того, кто задает вам эти вопросы?

Он. Нет.

Голос. Почему?

Он. Потому что мне хорошо известна ваша порода ученых козлов.

Голос. Слово «козел» настолько стерто от частого употребления, что, по сути, не выглядит оскорблением. Могли бы вы сейчас же найти слово-синоним, в полной мере выражающее ваше отношение ко мне?

Он. Пожалуйста. Интеллектуальный павлин.

Голос. Объяснения?

Он. Для вас более важен шикарный радужный хвост ва-

ШИХ ВОПРОСОВ, ЧЕМ СМЫСЛ МОИХ ОТВЕТОВ.

Голос. Вы убивали?

Он. Да.

Голос. На расстоянии или в рукопашных схватках?

Он. Так и эдак.

Голос. Вас мучает совесть?

Он. Меня мучают видения в полудреме и сны. Нечасто.

Голос. Вы считаете себя виноватым?

Он. Нет.

Голос. Виноваты те, кто посылал вас на эту войну?

Он. Виноваты все. И вы в том числе. А когда все виноваты, никто не виноват.

Голос. Вы хотели бы уехать из этой страны?

Он. Я не знаю страны под названием «Эта». Есть моя страна, моя Россия, в которой я собираюсь жить до конца своей жизни.

Голос. Ничего в ней не меняя?

Он. Если что и следует менять в России, то только себя. Каждый – себя. Изменимся мы: преодолеем свою лень, научимся систематически и добросовестно работать, перестанем ждать подачек, отрешимся от стадного рабства коллективизма, перестанем скалиться в ненависти и научимся улыбаться радости жизни – изменится и Россия.

Голос. Спасибо. Не могли бы вы сейчас, глядя на себя в зеркало, дать оценку нашему с вами разговору?

Он. Разговора не было – был допрос.

Голос. Не могли бы вы подвести итоги анкетирования?

Он. Так-то лучше. Но я не привык стесняться в выражениях...

Голос. Пожалуйста, пожалуйста.

Василий Федорович Корнаков подмигнул своему зеркальному отражению, хлопнул ладонями по подлокотникам и, глядя себе в глаза, заговорил:

– По-моему, Вася, мы с тобой прошли проверку на вшивость. Ученый козел, он же интеллектуальный павлин, задавал разнообразные вопросы, и мы с тобой поначалу старались добросовестно отвечать на них. Но в процессе допроса, в дальнейшем именуемого анкетированием, выяснилось, что нашего дознавателя интересуют не столько наши ответы, сколько наша эмоциональная реакция на его вопросы. И тут уж мы с тобой постарались, выдали ему соответствующую реакцию. Удовлетворен нашей реакцией, козел?

Голос. Вполне.

Глава 8

Игорь Тимофеевич был Игорем Тимофеевичем только для родных и близких, которые не могли никак привыкнуть к новому его имени. Уже давно княжеского Игоря сменил твердо стоящий на защите интересов простых людей Егор. Да и лучше звучало – Егор Тимофеевич. Напоминало Ермака Тимофеевича.

Экстренная конференция движения «Патриот» шла в скромном зале, человек на четыреста, подмосковного Дома культуры. Да больше зала и не требовалось: делегатов, спешно прибывших с мест, было не более двухсот.

Публика была всякая – с бору по сосенке. Много военных отставников, с полсотни моложавых, сильных и уверенных в себе баб, человек пятнадцать интеллигентов среднего возраста, примерно столько же новых предпринимателей, маклеров, брокеров, торговцев и дюжины три молодых интеллектуалов.

В президиуме пятеро, среди которых не было ни председателя исполнительного совета Егора (Игоря) Тимофеевича Маркова, ни его заместителей: Алексея Юрьевича Насонова и Ивана Всеволодовича Гордеева. Все эти трое – разбросом – сидели в пустом первом ряду.

Председательствующий – благообразный седой интеллигент, дирижируя очками, говорил, прерываясь иногда на эка-

ные и мѣканье:

– Пять дней тому назад на экстренном заседании исполнительного совета два заместителя, Насонов и Гордеев, потребовали отставки нашего председателя – Егора Тимофеевича Маркова. Опираясь на измышления и, я бы сказал, инсинуации желтой прессы и продажного телевидения, они утверждали, что дальнейшее пребывание на посту председателя Егора Тимофеевича может скомпрометировать, а в дальнейшем и окончательно дискредитировать наше движение. Не желая услышать доказательные и убедительные доводы Егора Тимофеевича, напрочь опровергающие не очень квалифицированно... э-э-э... состряпанную клевету, они обвинили его... как бы это точнее выразиться... в моральном разложении, что ли. После этого большинству членов совета стало ясно, что все случившееся, вернее, не случившееся, а... мѣ-э... высосанное из пальца безнравственными писаками используется Насоновым и Гордеевым для того, чтобы свергнуть Егора Тимофеевича и самим узурпировать власть в движении. Естественно, подавляющее большинство совета проголосовало против... э-э-э... предложения Насонова и Гордеева. Тогда Егор Тимофеевич сам потребовал – его можно понять – своей отставки и предложил созвать эту нашу конференцию для того, чтобы она, имея на то полномочия, решила не только судьбу его и его заместителей, но и всего исполнительного совета в целом. Совет поддержал его.

Дорогие друзья! В наших руках судьба не только наше-

го движения. Поймите, от вашего решения зависит, станет ли Россия второстепенным государством или пойдет своим самобытным и великим путем, ибо только мы, только наше движение бескомпромиссно и неустанно борется за великодержавность России. Я призываю вас до конца прочувствовать всю ответственность, которую мы возлагаем на себя, ответственность перед движением, ответственность перед народом, ответственность перед историей.

Зал в разных своих концах загудел разнообразно: шептались отставники; возмущенными репликами перекликались дамы; многозначительно кашляя, выдыхали междометия зрелые интеллигенты; новые русские, переглядываясь, хихикали. Лишь молодые интеллектуалы молчали и с невозмутимым выражением на свежих личиках, глядя строго в президиум, как вдаль, сидели каменно. Оглядываясь на них, все постепенно умолкали. Наступила тишина и с ней – угрожающая пауза. Председатель засуетился: надел очки, поднял со стола бумажку, тупо осмотрел ее, потом положил на место, снял очки и – делать нечего – вновь заговорил:

– Теперь, когда я осветил все обстоятельства, желательно было бы услышать мнения и пожелания делегатов.

– Все ли? – донеслось со стороны интеллектуалов.

– Что – все ли? – не понял председатель.

– Все ли обстоятельства вами освещены? – разъяснили ему звонким голосом.

– Давай подробности! – вырвался из среды обитания но-

вых русских веселый плебейский бас. Знающие песню Галича про товарища Парамонову (примерно половина зала) охотно хохотнули.

Председатель (он песню знал) брезгливо и одновременно грустно посмотрел в сторону, откуда донеслось про подробности, и заявил:

– Мне кажется, ваше желание покопаться в грязном белье оскорбительно и неуместно. В своем заявлении для прессы Егор Тимофеевич исчерпывающе и доказательно опроверг клеветнические измышления.

– Но грязное бельишко все же имеется, коли вы запрещаете нам в нем копаться. Не так ли? – въедливо поинтересовался все тот же звонкий голос.

– Словоблудие – не аргумент, а казуистика – не доказательство вашего интеллекта, коллега, – перешел на личности по принципу «сам дурак» председатель и тут же обратился к привычному пафосу: – Да поймите же! Угроза развала движения опять поставила нас перед извечными и страшными российскими вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?».

Тут подбежала дамочка из боевых, но на трибуну не поднялась, остановилась в проходе у сцены, повернулась к залу:

– Я только с репликой! – И уточнила: – С репликой-вопросом. Я хочу спросить у сидящих вот здесь передо мной Насонова и Гордеева: когда вы ставили вопрос об отставке нашего Егора Тимофеевича, вы действительно были убеждены в реальности его аморального поступка или шумиха в прессе

послужила удобным поводом для совершения переворота?

Дама угрожающе запрокинула голову. Председатель попытался смягчить ситуацию:

– Вы несколько не о том. Сусанна Эрнестовна, кажется? Нас сейчас менее всего интересуют, так сказать, психологические мотивы поведения Насонова и Гордеева. Наша задача – нейтрализовать результаты их – настал момент истины и надо быть откровенным – раскольнической деятельности.

Но Сусанну Эрнестовну вернуть на место было не так просто. Своенравно топнув башмачком, она, ненавистно глядя на близидящих Насонова и Гордеева, капризно потребовала:

– Нет, пусть скажут!

– А что? И скажу! – как бы проснувшись, прогромыхал генерал Насонов. Не взошел, одним прыжком взлетел на сцену и вмиг оказался на облупленной трибуне. Ладный, здоровенный, скроенный для военного мундира, сидевшего на нем как влитой, он помолчал, дав возможность аудитории полюбоваться на его статью. Вдруг улыбнулся простецки, подомашнему облокотился о кафедру.

– Один известный режиссер говаривал: «Если тебя, голого, жена за пятку стаскивает с голой же бабы, не поддавайся панике и смело утверждай, что залез ты на нее не для этого». – Генерал переждал неуверенный смешок и продолжал: – Байка в качестве эпитафии. Уважаемый председатель нашего собрания предложил нам ответить на два трагиче-

ских вопроса: кто, мол, виноват и что, как говорится, делать. На первый вопрос напрашивается элементарный ответ: тот, кто посещает педерастические бордели. Столь же прост ответ и на второй вопрос: не посещать по возможности педерастические бордели.

Дамы враз загалдели, из кучки интеллигентов прозвучал возглас: «Да как вы смеете!», «новые» ловили кайф, интеллектуалы заплодировали. Постепенно все утихло, желая слушать дальше.

– Теперь с Сусанной Эрнестовной разберемся. В вашей реплике, мадам, по сути дела, не один, а два вопроса, к которым не приложим принцип альтернативности. На первый вопрос, считаю, я уже ответил. Приступим ко второму вопросу. Любовные похождения нашего вождя не были поводом, они стали последней каплей, переполнившей чашу нашего с Иваном Гордеевым терпения. Еще при зарождении движения нас сильно беспокоила лоскутность нашего движения. Взгляните на наш зал со стороны. Лоскутья, братцы, лоскутья! Здесь уважаемые мной ветераны, здесь любимые мной деятельные дамы, там приводящие меня в трепет и священный восторг представители нарождающейся буржуазии, на задах – вгоняющее меня в страх племя интеллектуалов. – Голос генерала крепчал. – Мы с Иваном надеялись, что со временем, выработав общую принципиально новую и объединяющую программу, движение обретет единство и цельность, а оттого и необходимую для нашей работы мощь. Умеет же

русская баба сшить из лоскутов прочное и красивое одеяло. Но, к сожалению, оказалось, что руководству движения далеко до русской бабы. Надо честно признаться – одеяло не сшито. Да и положила руку на сердце – шить-то мы не умеем. Так и не сложились в программу звонкие слова «патриотизм», «державность», «возрождение национального достоинства». Наоборот, эти высокие слова в нашем употреблении обрели иной смысл. Под патриотизмом подразумевается национал-шовинизм, под державностью – имперский гегемонизм, под возрождением национального достоинства – воспевание национальной исключительности, укрывающее комплекс неполноценности и раздувшееся не по делу уязвленное самолюбие. Я не говорю сейчас обо всех участниках нашего движения, потому что это было бы несправедливо. – Насонов помолчал. – Я говорю о тех, кто в косной своей ностальгии по ушедшим временам видит в нашем движении возможность возродить большевистские порядки под новыми современными лозунгами. Именно их взгляды с благословения и при самой активной поддержке господина Маркова стали определяющими в нашей стратегии и тактике. Мы пытались бороться, но все наши попытки кончались неудачей: большинство совета составляют, извините уж, люди старшего поколения, те, о ком я говорил. К глубочайшему сожалению, приходится констатировать, что пропасть между нами не только мировоззренческая. Между нами – пропасть непонимания двух поколений. – Алексей Юрьевич замолк

на мгновение, встретился взглядом с Гордеевым, спросил: – Иван, ты хочешь что-нибудь добавить?

Гордеев, не поднимаясь с кресла, буднично, будто бы в обычном разговоре, но так, чтобы слышал весь зал, ответил:

– Ни убавить, ни прибавить, Леша. Ну а теперь коду!

– Я, Алексей Насонов, от своего имени и от имени Ивана Гордеева сообщаю высокому собранию о нашем решении выйти из движения окончательно и бесповоротно. Не считая возможным в нынешнем нашем статусе участвовать в прениях, мы покидаем вас.

Насонов прыгнул со сцены, похлопал по плечу вставшего с кресла Гордеева, и они пошли по узкому проходу сквозь ряды кресел, сквозь взгляды собравшихся к выходу.

В занюханном фойе их остановил суровый мужичок с цепкими серьезными глазами – начальник службы безопасности:

– Леша, Иван, на улице – журналисты!

– Вот те хвост, – озадачился генерал. – А я, Красная Шапочка, к бабушке собралась!

– Худо, Слава, – огорчился Гордеев. – Откуда утечка?

– Я, думаю, сам устроил, – запечалился начальник службы безопасности, – чтобы меня окончательно повалить. Он на совете меня уже обвинил в преступной халатности. Я, видите ли, не обеспечил его безопасность и не сумел изолировать его от прессы. А какая в бардаке может быть опасность, кроме СПИДа и сифона?

– Кто о чем, а вшивый о бане. – Алексей по-барски взмахом руки растрепал короткие волосенки начальника и утешил: – Наплевать и забыть, дружочек мой Слава. Ты с нами, а с нами – не пропадешь.

– С вами-то я точно не пропаду, – не без юмора согласился Слава. – А вы со мной?

– А если через черный ход? – предложил Гордеев.

– Представители средств массовой информации уже задали себе тот же вопрос? Обложили, со всех сторон обложили, – сообщил Слава. Но генерал есть генерал: мгновенно просчитал варианты.

– Единственная возможность для нас смыться – дождаться, когда стая накинется на вождя, и тогда – огородами, огородами...

– А сейчас что делать? – поинтересовался Иван.

– И ты туда же! – хмыкнул генерал. – Что делать! Тоже мне Чернышевский в обнимку с председателем! В шахматы играть! – И решительно направился к огромной доске с гигантскими фигурами, на ходу строго спрашивая у Славы: – Это какая по счету у нас с тобой партия будет?

Слава вынул из нагрудного кармана записную книжку, полистал и ответственно доложил:

– Двести семьдесят четвертая. Двенадцать партий закончились вничью, сто сорок одну выиграл я, сто двадцать одну – ты. Я сегодня играю белыми.

Иван молчаливо понаблюдал за дебютом, потом сморщил-

ся, как от кислого, и огорченно заявил:

– Как красиво мы с тобой, Леша, покинули зал и как некрасиво застопорились у его дверей.

– Красиво, некрасиво... – бормотал Леша, держа на весу полуметрового коня и соображая, куда его поставить. – Главное – дело сделано!

И, как бы в подтверждение правоты своих слов, уверенно, со стуком поставил коня.

– Ну если так, – двинулся Иван к дверям зала, – пойду послушаю, что у них там творится.

А творилось вот что: разоблачали и клеймили отступников. Разоблачали и клеймили истово, остро, принципиально. Благо за глаза: отступников-то в зале не было. Когда Иван по-школьному заглянул в щель, с трибуны горестно восклицал пузатый ответственный дядя:

– И чего им не хватало? Молодые, энергичные. Им доверили ответственные места в нашем руководстве, они могли бы плодотворно трудиться на благо нашей родины. Мы им доверяли, мы ими гордились! Как же: один – герой афганской войны, другой – из самых молодых профессоров нашей страны. Они были нашей надеждой на будущее, и вот те на! А все нынешняя жизнь, с ее культом доллара. В такой жизни-то желанья разгораются, запросы вырастают непомерно, вот они и захотели властвовать над нами. Они – перерожденцы, и их перерождение – еще одно подтверждение полного развала моральных устоев, к которому нас сознательно ведут

сегодняшние правители.

– Сто сорок вторая, – удовлетворенно констатировал счет своих побед Слава, попутно занося цифру в записную книжку. А генерал Леша, делая вид, что поражение – всего лишь следствие его занятости судьбой движения «Патриот», деловито спросил у Ивана:

– Ну и что там?

– Жизнь в борьбе! – ликующе сообщил Иван.

Генерал энергично подошел к двери, через голову Ивана заглянул в щель и попал на самое интересное.

Со стороны интеллектуалов донесся знакомый звонкий голос, вежливо попросивший:

– Будьте добры, предоставьте мне пару минут.

Председатель, обалдевший от шаманских завываний обличителей, слово вежливому молодому человеку дал, радостно возгласив:

– Слово представителю молодого поколения. Нашей, так сказать, смене!

Эlegantный молодой человек с меловой бумажной трубкой в руках, следуя примеру молодого генерала, вспорхнул на сцену и остановился у трибуны, словно примериваясь к ней.

– На кафедру, на кафедру, молодой человек! Евсеев, кажется? – взбодрил его председатель, полагая, что тот заробел.

– Евсеев, – подтвердил молодой человек и вдруг заупря-

мился. – Зачем мне на кафедре? Я говорить не собираюсь.

– Но вы же просили пару минут на несколько слов! – возмутился председатель.

– Просил, – согласно кивнул Евсеев. – Но эти слова я не скажу, а покажу.

И, развернув свой рулончик, оказавшийся самодельным плакатом, ловко и быстро пришил его к трибуне двумя кнопками. Плакат старославянской вязью, весело раскрашенный разноцветными фломастерами, бесшабашно оповещал всех: «Какой он патриот, если он пидар!»

Простодушный милицейский возглас, уже ставший афоризмом, произвел на зал, весь день старательно пытавшийся этот афоризм забыть, впечатление необычайное. Реакция была единодушной: все, без исключения, неудержимо захотали! Нет, исключение все-таки было. В первом ряду в мраморной неподвижности сидел Марков.

Первой отсмеялась и опомнилась мобильная Сусанна Эрнестовна. Она сейчас была уже не Сусанна, а как бы неистовая Марианна, символ французской революции, на баррикадах. Только фригийского колпака не хватало. Зато баррикада была – ярко освещенная сцена. И враг был – нахальный мальчишка.

Она кинулась к трибуне, сорвала плакат, разорвала его пополам, бросила обрывки на пол и завопила:

– Мерзавец! Хулиган! Вот отсюда, вон!

– Я как раз и собрался сделать это, – не особо форсируя го-

лос, но весьма и весьма отчетливо произнес мальчишка Евсеев. – Со всеми своими друзьями.

– Убирайтесь! Убирайтесь! Воздух чище будет! – не помня себя, надрывалась Сусанна.

– Насчет воздуха не знаю, – сказал Евсеев. – Но вам, милая дама, грозит странная участь: в ближайшее время вам предстоит стать главной героиней картины на библейский сюжет «Сусанна и старцы».

Он спрыгнул со сцены и пошел к выходу. За ним двинулись интеллектуалы.

– Объявляется перерыв! Перерыв! – прокричал в безнадеге председатель. Участники конференции сновисто двинулись к дверям, и они невольно присоединились к неспешно покидающим зал интеллектуалам.

Глава 9

Сенсация, сенсация! Первым номером последних новостей шли красочные сообщения о неожиданном расколе движения «Патриот».

На экране телевизора «Сони» в превосходном качестве изображения появился стройный, хотя и немолодой, но весьма привлекательный для стремящихся к истинной мужской любви особей обоего пола вождь движения «Патриот». Появился он на ступенях Дома культуры.

Оператор, снявший эффектный общий план, когда к вождю со всех сторон, как гончие на сдавшегося волка, ринулась стая озверевших представителей средств массовой информации с камерами, микрофонами, диктофонами, сам тоже сумел пробиться в первые ряды, и следующий крупный план отчетливо фиксировал и личико вождя, и микрофон телекомпании оператора, который совал герою дня коллега-репортер.

Их компания выиграла соревнование: коллега-репортер и здесь всех опередил, первым задав вопрос:

– Господин Марков, какова причина столь спешного и конфиденциального созыва съезда движения «Патриот»?

– Не съезда, а конференции, – будто бы машинально, а на самом деле давая себе возможность подумать над ответом, поправил репортера Марков.

– Но ведь и у конференции была цель?

Марков улыбнулся обаятельно, отечески:

– Безусловно. И цель эта – окончательная консолидация движения.

– Но вышло-то все наоборот: раскол! – ликующе возразил репортер.

– О каком расколе вы говорите? – недоуменно поинтересовался Марков.

– Как о каком? Ваши оба заместителя только что покинули движение!

– Раскол! – Вождь снова улыбнулся. Но на этот раз недобро. – О каком расколе вы говорите? Движение освободилось от балласта – и только.

– Один из этого, как вы говорите, балласта – генерал Насонов считает ваше движение недееспособным, назвал его закоснелым и лоскутным.

Марков обвел журналистов озаренным взором и гордо изрек:

– С одним определением я согласен. Да, лоскутное! Потому что в нашем движении представлены все слои населения нашей России! Да, лоскутное! Потому что оно общенародное!

Здесь инициативу перехватил журналист конкурирующей компании. Его микрофон отодвинул микрофон первопроходца:

– А что об этом думают ваши оппоненты?

– Спросите у них, – посоветовал Марков.

– Мы не можем их найти.

– Скорее всего, им нечего сказать, – торжествующе отметил Марков. – Видимо, они, воспользовавшись услугами своего соратника, а точнее, сообщника, бывшего начальника службы безопасности движения, Веремеева, как тати в ночи, сбежали через черный ход.

...Генерал поднялся с кресла, выключил телевизор и, обернувшись, глянул на самого молодого профессора, сидевшего в соседнем кресле у журнального столика, за которым вечерне выпивали. Слегка.

– Он держится королем, Ваня.

– А что ему остается делать? – философски заметил Гордеев, раскручивая в толстом стакане солнечную жидкость. Генерал сел, взял свой стакан, отхлебнул вполглотка – по-европейски, спросил и у Ивана, и у себя:

– Мы правильно сделали, что тайно смылись?

– Правильно, – твердо ответил Иван.

– Мы смылись, понимаешь? Смылись! Весьма легко теперь нас объявить трусами, интриганами, людьми, которым нечего сказать.

– Теперь, – почти согласился Иван. – Теперь. Но потом, Леша, появится потом. Мы не должны сейчас выкладываться в дешевой перебранке. Будет время высказаться аргументированно и серьезно.

– Когда?

– Завтра у меня в институте соберем ребяток и решим когда. Я уже дал им тезисы для разработки широкой программы, и они за ночь – им в охотку – это сделают. Да и кое-что подкинуть могут: они ребята головастые, и им все на свежака интересно. Меня беспокоит другое: в связи с последним скандалом забыт предпоследний и педераст вновь стал сугубо идейным борцом.

– Вот тут-то ты и прокалываешься, интеллигент хренов! – ласково схамил Алексей. – Как военный скажу тебе: хуже нет, когда забывают про мину, которую не разминировали. Она взрывается в самый неподходящий момент.

– Но он уже преодолел минное поле, Леша.

– А что мешает нам перенести эту мину на поле, по которому ему еще предстоит идти?

– Никто и ничто нам не мешает перенести эту мину, Леша. – Иван допил что было на доньшке, встал, включил телевизор и пультом дистанционного управления стал гонять программы. Мелькали зубные пасты, памперсы, дезодоранты, йогурты, автомобили. И вот опять он, вождь.

– Егор Тимофеевич! – ласково окликнул его бородатый журналист, видимо, из симпатизирующих. – Вы сейчас сказали, что гордитесь своей лоскутностью. Но, извините, лоскуты – это отдельные тряпки, куски, которые почти невозможно в связи с их разноцветьем собрать в единое целое.

Марков покровительственно улыбнулся. В третий раз.

– Вы когда-нибудь видели лоскутные одеяла, которые в

деревнях шьют простые русские бабы? Эти одеяла красивы и, не ветшая, служат своим хозяевам многие и многие годы. Я думаю, что наше лоскутное одеяло, сшитое любовью к родине, еще послужит России.

На экране уже был очередной тайфун. Гордеев сменил картинку на экране: Чак Норрис бил копытом злодея в живот.

– Леша, ты его крепко выручил своим лоскутным одеялом, – засмеялся Иван, – Он им еще долго-долго прикрываться будет.

– Но голую свою педерастическую жопу все равно не прикроет, – оправдываясь за убедительную формулировку, подаренную непримиримому конкуренту, пробурчал генерал. – Кроме этого пресловутого одеяла, у него ничего нет.

– У него есть деньги, – тоскливо вздохнул Иван. – А у нас их нет.

Глава 10

В каминном зале тоже смотрели Маркова. В итоговых новостях. Двое смотрели. И не поймешь, кто из них хозяин. В отглаженных костюмах, в белоснежных сорочках, в сверкающих башмаках и при галстуках, они сидели в сафьяновых креслах и, отвернувшись от огня, снисходительно поглядывали на экран телевизора. Когда Марков удачно отстрелялся с лоскутным одеялом, старший (по возрасту) выключил телевизор и повернулся к камину. Гладкий, ухоженный, со значительным, несколько грустноватым лицом, он хорошо выглядел, но не так хорошо, чтобы не выдать свои шестьдесят.

Второму было вокруг сорока. Худ, жилист, спортивен. Он тоже глянул на огонь и спросил, чтобы начать разговор:

– А зачем вы летом камин разжигаете, Юрий Егорович?

Юрий Егорович объяснил снисходительно:

– Камин разжигают не для тепла, дорогой Иван Вадимович. Камин – это огонь в доме, живой огонь, который позволяет почувствовать вечность. Я люблю смотреть на огонь.

– Ну если так, – протянул спортсмен Иван. – Да, все наши дела в сравнении с вечностью – суета сует.

– Истинно так, – важно согласился Юрий Егорович и добавил: – А он вывернулся. Молодец.

– На этом этапе, – уточнил Иван Вадимович.

– И с одеялом хорошо придумал. Молодец, молодец!

– Вместо знамени – лоскутное одеяло, – догадался Иван Вадимович и сам до невозможности обрадовался своей догадке. – А что! Знамя из лоскутов! Чем не символ сегодняшней России?

– Только вот под такое знамя много народу не соберешь.

– А Марков уверен в обратном.

– Я же и говорю – молодец. – Юрий Егорович снял с подставки бронзовую кочергу и, потянувшись, пошевелил в камине остатки березовых полешек. Огонь занялся по новой. – Как вам известно, Иван Вадимович, я стараюсь не есть на ночь. Но вы молодой, здоровый, проголодались небось? Давайте поужинаем. Вы поедите, выпьете, а я рядом посижу.

– Не такой уж молодой и здоровый, чтобы в полночь трескать водку. Десятку бы скинуть, вот тогда... Лихие мои годы, где вы? Большое вам спасибо, но мне пора.

Иван Вадимович поднялся с кресла. Встал и Юрий Егорович. Посмотрели друг другу в глаза, одновременно улыбнулись.

– Марков – молодец, – снова отметил Юрий Егорович.

– Молодец, – эхом откликнулся Иван Вадимович. – Мы ничего не меняем. Я вас правильно понял?

– Мы не кадрили пляшем, где кавалеры меняют дам. Продолжим наши танцы в ритме вальса, так сказать.

– Вы – поэт, Юрий Егорович.

– Я деловой человек. А вы – тем более. А деловой человек, боящийся риска, – не деловой человек.

Глава 11

Двое под руки вытащили из «лендровера» вялое, выскальзывающее из рук тело. Оно задницей тукнулось о твердую землю грунтовой дороги. Подошли еще двое, ухватили за ноги, и вчетвером потащили тело к стоявшему неподалеку «жигуленку». Донесли, положили на землю рядом с открытой водительской дверцей.

– Тяжелый, зараза, – сказал один. – Колобок, может, кинем на заднее сиденье – и дело с концом?

– Делай как велено, – жестко отрезал подошедший Колобок, видимо, старший. Осадил молодца, потом милостиво объяснил: – Мало ли что бывает. В любом случае он должен сидеть за рулем. И быстрее, быстрее, ребятаки.

– Спешить-то некуда в такой глухомани, – ворчливо заметил говорливый, подключаясь к запихиванию тела за руль. Двое под колени, двое – под мышки. Тело вдруг ожило и издало горловой звук. Не застонало, не пискнуло – издало звук.

– Положите его, – приказал Колобок, вытащил из-за пояса короткую резиновую дубинку и жестко ударил по темечку лежащего на земле человека. Опять запихивали тело.

– Боком не пройдет! Сначала ноги занеси!

– Ты тулово к коленям гни. Он податливый.

– Все, влез!

Тело сидело и руками держалось за руль. Любуясь сделан-

ным, говорливый отметил:

– А красивый мужик.

– Был, – добавил Колобок и приказал: – Поехали.

Вчетвером осторожно покатали «жигуленок» в темноту из света фар «лендровера». Колобок на ходу крикнул водителю заморского средства передвижения:

– Стань так, чтобы край осветить!

«Лендровер» подергался, элегантно урча, и осветил край обрыва. На освещенном краю «жигуленок» и остановили. Все пятеро бессмысленно глянули вниз, в черное нечто. Потом Колобок сходил к «лендроверу», принес влажные от бензина концы, раскрыл заднюю дверцу «жигуленка» и распорядился:

– Потихоньку, потихоньку.

Когда «жигуленок» оказался в положении неустойчивого равновесия, он щелкнул зажигалкой, поджег концы, швырнул их в салон, захлопнул дверцу и заорал:

– Давай!

«Жигуленок» нырнул в черный омут. Трещали кусты, затем прозвучали два гулких удара и – все.

– Не докатился до воды. Плеска не было, – догадался Колобок и скомандовал подошедшему полюбопытствовать шестому – шоферу. – Подгони «лендровер» сюда. В нем ждаться будем.

Сидели в «лендровере», тупо пялились вниз, в темноту. Шофер вздохнул и предложил заискивающе:

– А то я верхний фонарь на него наведу? Увидим, что там.

– А кто-то увидит твой прожектор и поинтересуется, что здесь, – нервно сказал Колобок. – Ждем еще три минуты и, если не займется, лезем вниз.

Занялось сразу. С алым пламенем, с полыханием и треском.

– Сейчас рванет, – облегченно нарисовал перспективу Колобок. И, естественно, угадал: тотчас рвануло. Пламя на миг обрело форму оранжевого овала, в котором взметнулись черные корявые куски автомобиля.

– Не слабо, – оценил происходящее Колобок, а говорливый добавил:

– Как в американском кино.

Глава 12

Совет в Филях, не то чтобы совсем в Филях, но состоялся тоже неподалеку от Москвы. На даче Смирновых-Болошевых. Точнее, на террасе дачи.

Покатило к вечеру, и солнце горячими квадратами лежало на крашеном полу. В очередной раз, убегая – припекало – от яркого прямоугольника, Смирнов отодвинул кресло-качалку в тень, вновь уселся и с удовольствием закачался. Он качался, а трое его соратников сосредоточенно, как и положено на военном совете, думали. Долго думали. Смирнову-Кутузову надоело качаться, да и ждать надоело.

– Ну?

– Баранки гну, – ответил Казарян-Ермолов, в далекие-далекие времена сослуживец по МУРу председательствующего, ныне кинорежиссер и даже народный артист. А молодой среди старперов, сорокапятилетний, и потому горячий беллетрист Кузьминский-Раевский рявкнул обиженно:

– Не нукай, не оседлал еще!

Самый рассудительный и самый давний – с детства – смирновский друг, известный журналист Спиридонов, проходивший здесь, скорее всего, за прагматика Баркляя де Толли, разумно возразил:

– Вы с Лидой, наверное, в основном все сами просчитали. Да и подумать хорошенько у вас времени больше было. Если

же у вас кое-какие сомнения возникли, то вопросы по про-
рехам задавай, а не нукай.

Лидия Сергеевна, присутствовавшая здесь в амплуа тра-
вести – любопытным мальчиком на печи, – мягко согласи-
лась со Спиридоновым:

– Алик прав, Саша.

– Тогда ты и задавай вопросы! – ни с того ни с сего оби-
делся Смирнов.

– Задам, – мелодично успокоила его жена и задала первый
вопрос: – Кто, по-вашему, провел эту операцию с Ксенией,
Роман?

Казарян, к которому обратились с вопросом, потер кула-
ком небритый подбородок, встал с ивового дивана и подошел
к двери, на приступочке которой загорал, подставив лицо за-
катному солнцу, Спиридонов. Казарян внимательно осмот-
рел цветник, развернулся, улыбнулся восторженно, будто его
только что осенило, и поведал:

– У меня две кандидатуры. Безусловная – «Департ-Домус
банк», где полновластным хозяином был всеми нами страст-
но любимый покойник Дмитрий Федорович. Допустимая –
уголовная верхушка, чьи капиталы, воспользовавшись вре-
менным поражением криминала, умело прикарманил выше-
упомянутый банк.

– Письмо, – не сдержался, перебил Кузьминский. – Ты,
Рома, забыл про письмо, о котором вряд ли могла знать уго-
ловщина.

– Не забыл. И поэтому считаю эту кандидатуру всего лишь допустимой. Но я, в отличие от тебя, Витя, хорошо знаю, что такое паханы, собравшиеся в кучу. В принципе, они могут все.

Спиридонов с сожалением увел свое личико от солнца, открыл глаза и пожалел, что Казарян с Кузьминским распротранялись не по делу.

– Ребятки, вас же Лида совсем о другом спросила. Паханы, Рома, это один шанс из ста. Я почти уверен, что деньги эти прошли или пройдут через «Департ-Домус банк». А абсолютно уверен я в том, что испанскую операцию проворачивали не люди банка, а те, кому предназначались эти громадные деньги. Вот о том и следует говорить, но предварительно хорошенько подумав.

– У вас было достаточно времени для этого, – проворчал Смирнов.

Вмешалась Лидия Сергеевна:

– Я поставлю вопрос по-другому. Кому могут столь срочно понадобиться такие колоссальные деньги?

– Мне! – завопил Кузьминский.

– Витька, уволю, – предупредил Смирнов, в связи с чем Кузьминский, вмиг став серьезным, быстренько предположил:

– Многим, очень многим. Самому банку, например.

– Положение «Департ-Домуса» устойчиво, как никогда, – уверенно заявил Спиридонов, дока по финансовым делам. –

Насколько мне известно, принимать участие в миллиардных конкурсах в ближайшее время не собирается. И эти деньги лягут в его сейфы ненужным грузом. Банк эти деньги направил или направит кому-то, я уверен в этом. Он – почти законный перевалочный пункт.

– Алик, просчитай, пожалуйста, возможные ходы, – попросила Лидия Сергеевна.

– Начнем с тех, кому эти деньги банк не направит. – Спиридонов помолчал, прикидывая. – Про конкурсы я уже говорил, наш пациент официально отказался от них. Черный бизнес? Черному бизнесу не проглотить такую сумму, да и не будет он ее сразу проглатывать, чтобы не светиться. Инвестиции? Они прозрачны, сразу всплывет вопрос об источниках. Валить на бирже доллар, играя на повышение курса рубля? Мероприятие по меньшей мере рискованное. Вот так-то, братцы.

– Это все «нет», – сказал Смирнов. – А «да»?

Спиридонов, тихо покряхтывая, поднялся с приступочки, разогнулся, незаметно, воспитанно так потянулся, подошел к Смирнову со спины и раскачал кресло-качалку. Смирнов с удовольствием закачался, о чем и оповестил всех:

– Хорошо.

– Вот он и качался по-стариковски. – Спиридонов качнул его еще разок и беззвучно оскалился. – Лида, у нас скоро будет новый парламент, а затем и новый президент.

– Спасибо, а мы и не знали, папа Алик, – издевательски

поблагодарил Кузьминский.

Звал он так Спиридонова на правах бывшего зятя. Бывший тесть уже нашел саркастический ответ на выпад, но его опередил Смирнов.

– Предвыборная кампания? Будут тащить свежака и новую партию? – уже не качался в кресле Смирнов, он стоял, торжествующе оглядывая всех.

– Свежака вряд ли, Саня. Скорее всего, кого-нибудь из второго ряда. Свежака за оставшееся время не раскрутить, а выскочившего из-за спин при помощи денежного очень внушительного допинга гражданина из второго ряда с необычным имиджем – вполне реально. И к нему яркую партию, ты прав.

Наконец-то приподнял тяжелые армянские веки и как бы дремавший Казарян.

– Наш покойный Дмитрий Федорович был секретарем ЦК и членом Политбюро. Поменявшие имидж неоккоммунисты?

– Нет, скорее всего, нет, – уверенно отверг этот вариант Спиридонов. – У них давно определившийся претендент и самый надежный, хотя и сокращающийся в связи с естественным вымиранием электорат. Свои двадцать процентов они всегда наберут.

– Тогда кто, Алик? – негромко спросила о главном Лидия Сергеевна.

– Период настоящей предвыборной активности еще впереди. И поэтому сказать о ком-то что-то просто невозможно.

Вот когда засуетятся, тогда хотя бы предположительно можно будет определить, кого солидно подкачали.

– И мы с Лидкой на этом остановились, – признался Смирнов.

Иссякла энергия мозговой атаки. Замолчали. Но молчание – не для молодого беллетриста Виктора Кузьминского.

– Теперь у меня вопросы, точнее, два вопроса. К хозяйкам. – Раскинув руки (сидел на диванчике один) по ивовой спинке, он сурово посмотрел сперва на Лидию Сергеевну, а затем на Смирнова. – Вопрос первый к хозяйке. Нас в этом доме водкой угощать будут? – И, не дав ответить хозяйке, ответил сам: – Знаю, что будут, но ведь душа горит! Когда? – Движением вытянутой вперед длани опять остановил Лидию Сергеевну. – Вопрос хозяину: Иваныч, ответь, пожалуйста: на хрена попу гармонь, когда есть кадило?

За Смирнова быстро ответил Казарян:

– По-моему, Витя, ты окончательно отупел от пьянства.

– Я попрошу!.. – радостным криком высказал свое возмущение Кузьминский.

– Проси, – разрешил Казарян.

– Я – дурак, а ты – умный, да? – предположил беллетрист.

– Да, – согласился кинорежиссер. Им давали резвиться. Смирнов, Спиридонов и Лидия Сергеевна понимали, что развлекательная интермедия сейчас ко времени.

– Раз ты такой умный, то объясни мне, дураку, какого худенького нам надо лезть в кучу дерьма, именуемую в

дальнейшем политикой? Зачем Иванычу все это? Пусть себе глотки перегрызают, а мы, как древние римляне на скамьях Колизея, с удовольствием будем наблюдать гладиаторские бои.

Казарян повернулся к молчавшей троице и поделился с ними:

– Нет, он действительно дурак!

– Докажи! – взвыл Кузьминский.

– На раз, два, три, – пообещал Казарян и сразу же приступил к выполнению обещания: – Откуда ты взял, что Санятка сам влез в эту кашу? Его втащили, может быть, не очень желая того, но иного выхода у них нету, поджигает время – бабки им нужны. Теперь Саня, Лидия и Ксения, особенно Ксения, в зоне повышенной опасности, в зоне неоправданного риска потому, что знают, чего не следует знать. Те, судя по тому, как была отслежена и доведена до нужного им состояния Ксения, обладают исчерпывающими сведениями о семействе Смирновых-Болошевых и, следовательно, о тебе, обо мне, об Алике. Мы никуда не лезем, Витек, мы обороняемся, мы должны, если жизнь дорога, обороняться. А лучшая оборона, как выражаются наиболее передовые футбольные стратеги, контратака на опережение.

Сильно озадачил режиссерский монолог беллетриста.

– Да об этом я как-то не подумал, – неосторожно высказался он.

За что и получил:

– Вот поэтому ты и дурак.

Не до обид уже было Кузьминскому. Заработала азартная сообразилка:

– Выходит, они внаглую Иваныча на дуэль вызвали.

– Выходит, – согласился Казарян. – И еще выходит, что другого пути для них не было. Ксения-то со своей ладошкой – единственная.

– Или кто-то из самых богатых свои не пожелал тратить, – добавил Спиридонов.

– Понятно теперь, почему нас днем собрали. Чтобы без Ксении, да? – И, получив в ответ сдержанный смировский кивок, продолжил свою речь в несколько ином направлении: – Нет, в этом деле без пол-литра не разберешься. Кстати о пол-литре, Лидия Сергеевна, голубушка! – И заканючил, как нищий в пригородной электричке: – Братья и сестры! Помогите погорельцу чем можете! Три дня не ел, а выпить так хочется!

– Он, паразит, без машины, ко мне в пассажиры специально набился, чтобы здесь нажраться без тормозов, – обнародовал замыслы беллетриста его бывший тесть. И Смирнову: – Насколько я понимаю, мы пока завершили всего лишь первую половину нашего коллоквиума? Даже первую треть, если судить по гаданиям цыганки: что было, что будет, чем сердце успокоится?

– Все так, Алик, – грустно согласился Смирнов, а Лидия Сергеевна решила:

– Пока перерыв. Скоро обедать будем. Вот-вот Ксюша объявится.

Но не Ксюша объявилась. В белой полотняной косынке, в ситцевом сарафане, в кедах на босу ногу – этакой сельской жительницей шла от калитки соседка (через дом) по даче. То была кумир тинэйджеров, попсовая суперстар, тихая и в отсутствие имиджа интеллигентно скромная певица Дарья, любимая женщина любимого смирновского ученика – Георгия Сырцова. Сырцов был любим не только Смирновым, но и – взаимно – замечательной вокалисткой. Хотя вокалистка и знала всех присутствующих, но многолюдство малость смутило ее, и она поздоровалась, робея неизвестно отчего:

– Здравствуйте. Здравствуйте. Здравствуйте. – Третье «здравствуйте» она почти шептала, но, преодолев себя, довольно внятно произнесла положенное: – Прошу заранее простить меня, но, надеюсь, я никому и ничему не помешала?

Раскланялись улыбчиво, и Лидия Сергеевна успокоила гостью:

– Ты не можешь нам мешать, Дашура. А если согласишься с нами пообедать, то вообще все будет замечательно.

– Я на минутку, – растерянно сказала Дарья, не зная, как ей эту минутку использовать.

Положение усугубил и одновременно спас бестактный Кузьминский:

– А Жорки нынче нету тут!

– Я знаю, – пролепетала звезда.

– Он на Валдае, пять дней как на Валдае. Рыбку удит, – подробно объяснил Смирнов. – Принял экзамены у своих дебилов-курсантов и от них – в леса.

– Я знаю, – повторила Дарья.

– Тогда чего ты не знаешь? – слегка рассердился Смирнов.

– Он обещал оттуда позвонить и не позвонил.

– Он и мне не звонил, – простодушно успокоил Смирнов, чем вызвал необычайную радость в рядах смешливых соратников. – А чего это вы ржете, кони стоялые? Что я смешного сказал?

– Ты, старый хрен, определил себя равно привлекательным для Жоры субъектом наряду с Дашей, – витиевато объяснил мужской гогот Казарян.

– Я тупой вроде Витьки, – угрожающе признался Смирнов. – Объясни попроще.

– Иваныч! – возгласил в нетерпеливом ожидании, когда поднесут, Кузьминский. – Посмотри в зеркало на себя, а потом посмотри на Дашу, и тебе сразу станет ясно, кому в первую очередь должен позвонить плутающий меж озер наш общий друг Жорка.

– А я себя с Дашей не сравниваю... – начал было Смирнов, но тут в бой вступил его самый давний, самый преданный друг Алик Спиридонов:

– В одну телегу впрячь неможно козла и трепетную лань.

– Коня, – потеряв бдительность, машинально поправил

Смирнов.

Трое мужиков завыли от восторга. Узнав здесь все, что могла узнать, Даша ощутила себя, как говорил Остап Бендер, чужой на этом празднике жизни. Она извинительно коснулась предплечья Лидии Сергеевны и сказала:

– Я пойду.

– Куда это ты пойдешь?! – грозно прокричала возникшая на террасе ниоткуда бедовая девица Ксения.

– Домой, – испуганная напором, жалобно ответила Дарья.

Какой уж там дом!.. Ксения расцеловала ее, раскрутила, защекотала, оглушила щенячьим визгом...

Глава 13

Он опять сидел в комнате без окон на вертящемся канцелярском кресле. Но уже не перед зеркальной стеной (ее в темноте особо и видно не было), а перед сияющим экраном телевизора, на котором замерла яркая картинка. На картине была Красная площадь.

Голос. Почему я вам показываю эту картинку?

Он. А кто вас знает!

Голос. Но все-таки?

Он. Как сказал великий пролетарский поэт: «Всем известно, что земля начинается с Кремля».

Голос. Допустим.

Он (опережая). Только не надо меня спрашивать, сколько башен у Кремля и как они называются, как и когда построен Мавзолей, сколько ступенек ведут к мумии Ильича и что было на месте нынешнего ГУМа. Все равно не отвечу, потому что не знаю.

Голос. Вы опередили меня, и я, должен признать, удовлетворен. Тот, кто знает вопросы, обязательно старается найти ответы на них. И обязательно находит.

Он. Скучно мне с вами. Может, кино покажете?

Голос. Покажу. Сверхкороткометражный фильм. На десять секунд. Смотрите его внимательно, очень внимательно. Черные в основном пиджаки, галстуки-бабочки, через раз

дамские обнаженные плечи, блюда с канапе, бокалы с разноцветными напитками, гул перемещений и разговоров. И улыбки, обаятельные улыбки тех, кто заметил камеру...

Десять секунд прошло, кино кончилось. На зеленом фоне – большой вопросительный знак. Такая вот заставка.

Голос. Кого вы узнали в этом фильме?

Он. Так сказать, действующие лица и исполнители...

Голос. Действующие лица, они же исполнители. Начинайте.

Он. Перво-наперво артист Борис Хмельницкий.

Голос. Почему именно он – перво-наперво? Чем он вызывает ваш повышенный интерес?

Он. Каждый раз, смотря по телевизору очередную презентацию, я надеюсь, что на этот раз не увижу артиста Бориса Хмельницкого. Но надежда никогда не оправдывается.

Голос. Дальше. Лучше в том порядке, в котором они появлялись на экране.

Он. Политик-теоретик. Милиционер. Киночеловек неуловимой профессии Гусман. Артист Абдулов. Жириновский...

Голос. Без указания рода профессиональных занятий?

Он. А каков род его занятий? Его профессия – быть Жириновским.

Голос. Дальше.

Он. Вы меня нарочно отвлекаете, чтобы я кого-нибудь пропустил?

Голос. Дальше.

Он. Топтун Коржаков. Режиссер Марк Захаров. Экономист Гайдар. Кинорежиссер Соловьев. Артист Янковский. Певица Долина.

Голос. Вы не назвали никого из молодых киноактрис.

Он. Я плохо знаком с сегодняшним кино и, наверное, поэтому их не знаю.

Голос. Теперь подумайте над вопросом: по какому поводу проводилась эта презентация?

Он. Судя по широкому охвату и беспринципной разншерстности, это сборище, скорее всего, посвящено какому-нибудь событию в мире искусств. Одному из кинофестивалей, например.

Голос. Вы угадали.

Он. Я не угадал. Я додумался.

Голос. Ваш словарный запас, умение точно выстроить фразу, безукоризненная реакция в любой полемике на выпад, ловкость, с которой вы наносите ответный выпад, – все это на порядок выше среднеофицерского уровня. Вы занимаетесь самообразованием?

Он. Я из интеллигентной семьи.

Голос. И это, безусловно, одно из главных ваших достоинств.

Он. Не мое. Родителей.

Голос. И у замечательных родителей бывают скверные дети.

Он. Я как раз из таких. Поступил против их воли, став

военным.

Голос. Сейчас я покажу вам несколько портретов. Они, как и только что увиденный фильм, будут на экране десять секунд каждый. За эти секунды постарайтесь если не охарактеризовать персонажи, то хотя бы выразить к ним ваше отношение. Начнем?

Он. Начнем. Наконец-то нечто забавное.

Голос. После каждого вашего ответа – пауза, время которой можете определять вы.

Вместо вопросительного знака – личико ехидного, уже немолодого ангела. Немцов.

Он. Слишком кудряв, чтобы быть серьезным политиком. Успел?

Голос. Даже с «Успел» всего лишь пять секунд.

Лужков в кожаной кепке.

Он. Плешивый Наполеон из Марьиной Рощи.

Голос. Вы даже слишком кратки. Можете подробнее.

Благородная седина и шикарные усы Руцкого.

Он. Герой Советского Союза. Удивительный герой. Во время Великой Отечественной летчикам звание Героя давали за то, что они сбивали самолеты врага. А он умудрился получить это звание за то, что его дважды сбили.

Голос. Передохните.

Он. Дальше, дальше. Азартно, как при стендовой стрельбе по тарелочкам.

Голос. Что ж, продолжайте отстрел.

Зюганов.

Он. Коммунист, верный ученик Брежнева. Без комментариев.

Надменное, гордое лицо Явлинского.

Он. Похож на злобную интеллектуально развитую жабу. Самоуважения титанического, как говаривал все тот же Маяковский.

Громов.

Он. По отношению к старшим по званию стараюсь грубо не выражаться.

Аскет и борец за идею Марков.

Он. Меня в последнее время чрезвычайно интересует одна тенденция в нашей политической жизни: бескорыстно рвутся спасти русский народ от капитализма, сионизма, морального растрепания те, кто во вполне обозримом прошлом, старательно и с удовольствием унижая, изничтожали его нравственно, присвоив ему веселое звание советского, и через обильные потери, эдак по-простому – физически. Верные идеалам Сталина, коммунисты, старательные гэбисты... Но зачем вы мне показываете Маркова? Он – не претендент.

Голос. На что?

Он. Дядя, перебор. Нельзя прикидываться столь наивным. На президентское кресло, естественно.

Голос. Почему?

Он. Его уничтожил кондовый мент одной фразой.

Голос. Каким образом Марков может спасти положение?

Он. Выдумать свою фразу, шикарно и остроумно убивающую фразу мента.

Голос. Вы сегодня в ударе.

Он. До того, что вы и не заметили моей промашки: говоря о Маркове, я не уложился в отведенные десять секунд.

Голос. Вы можете самому себе объяснить смысл и результат этой части сегодняшнего нашего разговора?

Он. Части... Значит, будет продолжение?

Голос. При вашей догадливости беседа наша лишается подготовительных и объясняющих мостиков и предельно сокращается. Да, продолжение будет. После того как вы оцените уже завершившуюся часть разговора.

Он. С удовольствием.

Погас экран телевизора, и, постепенно увеличиваясь в яркости, появился ровный, не слепящий глаза свет. И зеркальное отражение заметно проявилось.

Он ободряюще подмигнул своему альтер-эго.

Он. Сегодня нам, Вася, незаметно и умело льстили. Так сказать, проверка на павлиний хвост. Распустим его и будем им любоваться, любоваться, любоваться... Поначалу, на минутку, провокация эта даже удалась: я с твоего согласия распахнул было длинные перья, но вовремя опомнился. А ожидаемого эффекта не было. Мы с тобой ограничились одномоментной демонстрацией разноцветного веера. Вас устраивает резюме?

Голос. Вполне. Продолжим?

Глава 14

Санкционированный митинг народного движения «Патриот», проходивший на Поклонной горе, собрал для летнего времени внушительную аудиторию: около трибуны толпились тысячи полторы-две активистов, сочувствующих, зевак. Судя по всему, мероприятие подходило к концу, ибо уже страстно пел нечто о России, Москве, первородстве и унижениях блондин с мутными глазами – известный бард.

– И восстанут из пепла и смрада славяне, Россия, Русь! – на хрипе закончил патриотическую балладу темпераментный певец и воздел над головой свою роскошную гитару в ожидании овации. Дождался. Патриоты тоже ждали: они пришли сюда, чтобы впервые после скандала и раскола услышать своего лидера. Дождались: все тот же бард ясным, без хрипоты, голосом объявил:

– А теперь слово Егору Тимофеевичу Маркову... нашему Егору!

Те, что стояли неподалеку, восторженно захлопали. Марков, скромно державшийся во втором ряду, шагнул вперед и мягко пожурил барда, стараясь, чтобы его услышали и через микрофон:

– Ну ты и скажешь, Миша! «Наш Егор!» Наш Егор – это незабвенный Лигачев, который своим пещерным коммунизмом довел великую страну до краха. Вот такое дело. Хоть

имя меняй.

Близстоящие сочувственно посмеялись. Марков же посу-
ровел лицом, предлагая тем самым слушать его серьезно.

– Мы собрались здесь не в День Победы и не в день на-
чала Великой войны. Мы собрались в день торжества рос-
сийской великодержавности. В этот день в сорок пятом го-
ду состоялся Парад Победы. День Победы – это день счастли-
вых эмоций. Парад Победы – эго гордый итог народного
подвига, великой ратной работы, это предчувствие величай-
шего будущего никем непобедимой нашей российской дер-
жавы. Меня на параде не было, но был мой семилетний брат.
И тот семилетний пацаненок из Черкизова добрался-таки до
Охотного Ряда, до Манежной площади – туда, откуда долж-
ны были двинуться на Красную площадь тысячи, именно ты-
сячи истинных героев. Я говорю об этом только потому, что
мой брат не был исключением. Тысячи и тысячи героев. Ты-
сячи и тысячи пацанов. И эти тысячи были единым целым,
и все они в тот миг определяли наше прошлое, настоящее
и будущее. Не их вина, их беда в том, что это единство бы-
ло разорвано в клочья. Все мы знаем, кто это сделал в про-
шлом и кто продолжает это делать в настоящем. Наши вра-
ги. Я не боюсь этого слова. Враги уличают наше движение
в эклектичности, даже в лоскутности. Не мы рвали наше об-
щество в клочья, но мы, я верю, объединим его. Есть вели-
колепное, но старательно забываемое русское слово «собор-
ность». Под своды величавого собора являлись все, не зная

ни чинов, ни рангов, ни сословий. Мы стояли тогда в чудном соборе мироздания, и теплый июньский дождь ласково омывал нас, благословляя. Потом солдаты швыряли на мокрую брусчатку Красной площади знамена побежденных вражеских полков, дивизий, армий. Не злорадство и не только торжество победителя было в этом акте, но – торжество справедливости и сброшенный с плеч непомерный груз войны.

Я надеюсь, я верю, нет, я убежден, что российский народ, сбросив дьявольский груз междоусобиц, возведет собор единства, которое на века обеспечит тихий мир и спокойное процветание.

Соборность – наш девиз! Соборность – наша цель! Соборность – наша жизнь!

Голос звенел, глаза сверкали. Он вскинул руку с распахнутой пятерней и через паузу яростно прокричал:

– Мы победим!

Бард Миша, утирал ладонью слезы, целовал его. Друзья по трибуне аплодировали в восхищении. Остальные ревели и скандировали:

– Мы победим! Мы победим!

Вдруг в задних рядах, там, где в разреженном уже пространстве существовали в основном зеваки, над головами вознесся скромненький самодельный плакатик: «Какой ты патриот, если ты пидар!»

Никто пока в энтузиазме и не заметил его, да и трудно было увидеть толпе, что у нее там, за спинами, но Егор Марков

увидел этот плакат и бесстрашно обратил внимание всех на него:

– Ну конечно же! Они тут как тут! И со своим плакатиком! Не надоело, господа?

Толпа оглянулась, прочла и зароптала. Активисты, прорываясь сквозь плотные ряды, устремились на врага с ярко выраженным желанием начистить вражеские рыла. Их оставил снисходительный голос вождя:

– Друзья мои, успокойтесь. Ну что взять с убогих? Они безнадежно проиграли, пытаюсь расколоть наше движение. Вот и осталась одна маленькая радость – с гнусным плакатиком по чужим митингам бегать. И не надо, защищая меня, кого-то наказывать. Меня уже давно защитило мое честное имя. Ну а по поводу того, что там написано... Что же, хлестко, но бессмысленно. Сексуальное меньшинство состоит из наших сограждан. Прикажете их унижать, карать, изолировать? За что? За их психофизические отклонения? Это их дело, и никто не имеет права лезть в их монастырь со своим уставом. Я уверен, что в будущем нашем сообществе и они обретут свое место в полном равноправии со всеми. И предлагаю для них новый лозунг в противовес той бездарной нелепице, что вы сейчас видите. Итак, лозунг для сексуальных меньшинств: «Какой ты педераст, если ты не патриот!»

Толпа восторженно ревела и аплодировала.

Глава 15

Не открывая глаз, он увидел желто-оранжево-багровое пламя, рвущееся вверх и в стороны, как знамя на ветру. Края этого жаркого знамени завивались в спирали. По-прежнему, не открывая глаз, он пытался увидеть другое, но не увидел ничего, кроме этого багрового, жирно-черного костра. Ничего. Ничего.

Он застонал, открыл глаза, и белый свет резанул ему по глазам. Он полуприкрыл веки, пытаясь ресницами смягчить удар. Но ресниц не было, и он, привыкая к ослепительности мира, стараясь не смотреть в сторону окна, сквозь щель прищуренных глаз осторожно оглядывал пол и стены. Пол был дощатый, крашеный коричневой масляной краской. Недавно. Стены бледно-голубые. Рядом с его кроватью стояла облупившаяся белая тумбочка и такой же табурет. Теперь можно. Раскрыв глаза, он увидел яркий прямоугольник и белые сиротские занавески в пол-окна, делящие его прямоугольник на две половины – сверкающую и матовую. В сверкающей плавала, покачиваясь, ярко-зеленая, вибрирующая мелкими березовыми листьями ветвь. Обрадовавшись, что глаза уже не болят, он еще раз осмотрел крошечную свою комнату.

Больница. Он в больнице. Как? Когда? Почему?

Он снова закрыл глаза, пытаясь вспомнить все. Или хотя бы что-нибудь. Но на темном экране плотно сведенных век

вновь возникло пламя, адское пламя и более ничего. Он закричал. Не закричал даже – застонал, заревел, зарычал, зарыдал. Опомнившись, заставил себя замолчать.

Но уже прибежала на крик молоденькая толстушка в белом халате. Толстушка склонилась над ним:

– Больной, вам плохо?

Он не понимал, хорошо ему или плохо, но на всякий случай ответил:

– Нет.

– Тогда можете подождать минуточку, да? – угодливо спросила она и, не дожидаясь ответа, выбежала в коридор, не закрыв дверь. Из коридора ворвался слабый дух щей. Не стук каблуков – шлепанье тапочек. И далекий голос толстушки, сообщивший кому-то:

– Он очнулся, Юрий Серафимович! Я же говорила, что он сегодня очнется, вот он и очнулся!

Теперь каблуки. Твердые, решительные, мужские.

Юрий Серафимович был тридцатилетним спортивным и, судя по не дежурной, а естественной улыбке, жизнерадостным человеком. Белый халат еле слышно потрескивал, когда он присаживался на табурет рядом с кроватью. От халата исходил приятный запах чистоты и крахмала.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Юрий Серафимович.

– Не знаю, – честно признался он.

– Еще не знаете, – уточнил Юрий Серафимович, теплыми пальцами посчитал пульс лежавшего в кровати и спросил

застенчиво: – Кто вы?

– Кто я? – Он как бы повторил вопрос.

– Да, да, – подтвердил свой вопрос Юрий Серафимович, – кто вы?

– Кто я? – задал встречный вопрос он.

– Вы не знаете, кто вы? – осторожно удивился Юрий Серафимович.

Он помолчал недолго и откликнулся печальным эхом.

– Я не знаю, кто я.

– Успокойтесь, успокойтесь... – Юрий Серафимович еще раз улыбнулся, но на этот раз улыбочка была явно принужденной. – Вероятно, у вас после сильнейшего шока временная потеря памяти. Это проходит, это всегда проходит.

– Какой шок? – Его вопросы были тяжелы и просты.

– Шок, полученный вами одновременно с ожогами, вывихом правого плеча и серьезным сотрясением мозга при автокатастрофе.

– Какой автокатастрофе? – продолжал тупо недоумевать он.

– Вы попали в автокатастрофу, – терпеливо и почти по слогам, как дефективному, стал рассказывать Юрий Серафимович. – Ваш автомобиль «жигули» на повороте сорвался с обрыва. Вы – неместный и, вероятно, поэтому не знали коварного поворота на дороге. Ваш «жигуленок» дважды перевернулся и загорелся. И тут произошло два чуда: непонятным образом вы с таким сотрясением мозга сумели вы-

браться из горящей машины и бросились в нашу речку. Это первое чудо. А второе чудо, что вы, лежа без сознания в воде, не захлебнулись. Вы – замечательный везунчик, и я уверен, что с вами будет все в наилучшем порядке.

– Где я?

– Вы в больнице.

– Где я? – раздраженно повторил он.

– Вы в районном центре Мельники, что в двухстах верстах от Первопрестольной. Такой ответ вас устраивает?

– Не знаю. – Он действительно не знал, устраивает его такой ответ или нет. Он ничего не знал.

– Ну напрягитесь! Напрягитесь! – вдруг требовательно взмолился Юрий Серафимович, до осязательности сжав его запястье. – И вспоминайте. Не факты, не события, не людей – вспоминайте самые последние свои ощущения и эмоции. Ну, ну! Ночь, вы один в автомобиле, удовлетворение от завершенного дела или азарт для завершения незавершенного... Покой, тихая музыка из автомобильного радиоприемника... Какая музыка? Какая музыка?

Он опять закрыл глаза. И снова не вспомнился – увиделся отвратительный адский огонь. И больше ничего.

Глава 16

Иван Всеволодович Гордеев сказал:

– Что ж, пора, пошли, – и вздохнул прерывисто – от волнения.

– Чевой-то боязно! – сам про себя удивился боевой генерал Алексей Юрьевич Насонов.

А бывший начальник службы безопасности движения «Патриот» Вячеслав Григорьевич Веремеев попытался отвертеться:

– Мне-то что там делать? Вы на сцену идите, а я тихонько в зал пройду.

– Еще чего! – рявкнул генерал, обрадовавшись, что кто-то перепугался сильнее, чем он. – Пойдешь с нами как миленький!

– Не на сцену, а к кафедре, не в зал, а в аудиторию, – машинально поправил Веремеева Иван и первым шагнул в открытые высокие двери.

Классическая институтская аудитория: столы – ряды по горке вверх, массивная дубовая кафедра, полукруглая площадка и на ней стол и три стула. Первым к столу на правах старожилы подошел Иван. За ним – генерал и совершенно потерянный Веремеев.

Все трое стояли, держась за спинки своих стульев. Генерал – посредине, Иван – справа, Веремеев – слева. Загово-

рил Иван:

– Друзья. Я с определенным душевным трепетом открываю сегодняшнее наше собрание. – Замолчал. Осмотрел зал, разглядывая знакомые и незнакомые лица. Белоснежные рубашки (почти все сняли пиджаки), неяркие галстуки, короткие прически. Спокойные, уверенные глаза. Серьезные мимолетные полуулыбки. В левом углу – строгие дамы.

– Друзья, – с надеждой повторил Иван. – Наше сиюминутное пребывание на некоем начальственном отдалении от вас – не более как стечение обстоятельств. Ни формального, ни тем более морального права быть в президиуме нашего собрания мы не имеем. Алексей Юрьевич, Вячеслав Григорьевич и я у этого стола только потому, что мы трое были техническими организаторами и можем ответить на вопросы, связанные с предварительной нашей работой...

– Иван, тебе не хуже моего известно, что самоуничтожение суть тайная гордыня. Ой, смотри у нас! – перебил сидевший в первом ряду мощный блондин, прямо-таки викинг. Выставленный в проход (ноги викинга в ряду не умещались) его дорогой башмак сверкал в солнечном луче.

Знакомый звонкий голос добавил с галерки:

– Ванька, не ломай ваньку!

Все дружелюбно рассмеялись. Викинг, дождавшись всеобщего успокоения, потребовал:

– К делу, к делу, Иван. Нам упущенное время еще наверстывать. Опоздали, сильно опоздали.

– Ты прав, – согласился Иван. – Придется если не спешить, то, во всяком случае, форсировать события. Наше сегодняшнее собрание – организационное, и его решение станет официальным документом для законной регистрации нашего... Так чего? Движения, партии, ассоциации, форума? Решайте. С этого и начнем нашу работу.

– Разрешите? – Викинг встал, крышка стола мешала, он выбрался в проход. – Форум – одновременно, ассоциация сама по себе предполагает определенную центробежность. Движение? В этом слове – аморфность. Движение толпы, движение стада, движение ничем и никем не управляемых лавин. Предлагаю – партия.

– Не преждевременно, Олег? – посомневался Иван.

Викинг устраивал ноги под стол и замешкался. За него ответил генерал Алексей:

– Самое время, Иван. Без раскачек, без промежуточных этапов. Мы сразу же четко и ясно определяем наши далекие цели и ближайшие задачи. Партия – это ответственность, обязательность и дисциплина.

– Кто за предложение Олега? Голосуем, – объявил Иван и тотчас увидел решительно поднятые руки. – Большинство. Будем считать?

– Как там у коммуняк? – попытался вспомнить звонкий голос. – Единодушно и единогласно. В данном случае у нас, как у коммуняк. Чего уже там считать.

– Мы – партия! – Иван вздохнул и улыбнулся. Прошеле-

стели негромкие аплодисменты, обладатель звонкого голоса изобразил несколько тактов торжественного марша.

– Мы – партия, – повторил Иван. – Поздравим друг друга. Следующий вопрос – название нашей партии. Предложения пресс-группы.

Встала одна из немногочисленных бород. Скорее, все-таки встал.

– Наши предложения определили два фактора. Первый и наиболее принципиальный: мы в своей работе сознательно и открыто отвергаем какую-либо социальную ангажированность и в связи с этим априорно отказались от терминов типа «социалистический», «консервативный», «либеральный», «социал-демократический». Основополагающим в поиске было заранее оговоренные нами основные характерные признаки будущей партии – молодость и безусловная преданность интересам нашей страны. Естественно, молодость не как возрастное определение и ограничение, а...

Звонкий голос цитатой из «Кавказской пленницы» иронически посоветовал:

– Короче, Склифосовский!

– Балда ты, Евсеев, – устало констатировал бородатый, но тем не менее закрутился: – Наши предложения: «Российский молодежный фронт» или строго по Пушкину – «Россия молодая».

– Разрешите мне? – обратился к аудитории генерал и после одобрительного «Валяй!» неугомонного Евсеева ска-

зал: – Хотя фронт как бы по моей части, но... Рот-фронт, трудовой фронт, Третий Украинский фронт... Может, перестанем воевать? Я за Пушкина. Да будет «Россия молодая»!

– Без инверсий, – не вставая, потребовал викинг Олег. – Поправим Александра Сергеевича. Мое предложение: «Молодая Россия».

– Что ж, так спокойнее и скромнее, – согласился бородач. Он оглянулся на рядом сидевших. – Мы – «за»? – И, получив одобрение, окончательно высказался: – Мы – «за»!

– Голосуем, – решил Иван. Кто за «Российский молодежный фронт»? – Удивился: – Гляди ты! Никого! Кто за «Молодую Россию»? По-моему, единодушно и единогласно. Граждане! Господа! Ребята! Мы – «Молодая Россия»!

И раздались веселые аплодисменты.

– Следующий вопрос наиболее щекотливый: выборы лидера. Слово руководителю имидж-группы Илье Воскресенскому.

Никто еще не говорил с кафедры. И строгий очкарик Илья Воскресенский предпочел тоже высказаться с места. Из левого угла, где он сидел в окружении дам.

– Прежде чем мы изберем лидера, необходимо решить вопрос организационной структуры руководства нашей партии. Мы считаем, что высшим органом партии должно стать правление, состоящее из уже оформившихся групп: группы разработчиков, группы организационно-массовой работы, финансовой группы, пресс-группы, имидж-группы и службы

безопасности. Руководители групп, лидер, его заместитель, а также ответственный за электронно-компьютерное обеспечение составляют бюро правления, на которое возлагается каждодневное рутинное руководство. Мы считаем, что такие структуры наиболее работоспособны.

– Обсудим? – предложил Иван.

– Уже обсуждено и согласовано на межгрупповых встречах, – сообщил серьезный Илья. – Осталось только проголосовать.

– Ну и темпы же у вас, братцы! – в восторженном изумлении пробасил генерал Насонов. Будто на крыше оторванная жесьть прогромыхала.

– И у вас, – частично согласился Илья. И Гордееву: – Голосуем, Иван.

– Голосуем за предложение имидж-группы по нашей организационной структуре.

Проголосовали быстро и делово. Не проголосовали – утвердили давно решенное.

– Теперь о лидере. Вопрос не столько щекотливый, сколько многогранный. К сожалению, у нас в наличии дефицит человеческого материала.

– Чего-чего? – удивился генерал, а Иван добавил нежно и укоризненно:

– По-моему, Илюша, формулировочка у тебя из людоедского лексикона. Не находишь?

– Не нахожу! – Илья обиделся слегка. – Но, если вы такие

чувствительные, могу и по-другому. На роль лидера новой политической организации в настоящее время могут претендовать лишь те, кто если не разрушил, то расколол старую. Бунтари, уже составившие себе репутацию. Непримиримых борцов с враньем и ханжеством и в связи с этим вошедших в моду у средств массовой информации. Обыватель увидел вас, узнал и заинтересовался. Таких персонажей у нас двое. По понятным причинам кандидатура начальника секьюрити Вячеслава Григорьевича Веремея не рассматривалась. Итак, генерал-майор Алексей Юрьевич Насонов и профессор Иван Всеволодович Гордеев. Имидж-группа решила рекомендовать на роль лидера Алексея Юрьевича Насонова. – Илья замолк, оглядывая зал. После паузы признался: – Ждал вопросов. Теперь понимаю, что напрасно: интеллектуальный уровень собравшихся здесь позволяет вам просчитывать возможные варианты нашей партии на несколько ходов вперед.

– Вы нам льстите, негодник! – женским голосом пококетничал Евсеев.

– Степка, заткнись! – привычно прикрикнул на Евсеева Илья. – Все же приведу несколько аргументов в пользу нашего решения. Нам необходим лидер – мы сами говорим о надсоциальности нашей партии, – которому могут и должны симпатизировать люди из всех слоев общества и который в то же время обязан будет твердо придерживаться принципиальных положений нашей программы. В Иване слыш-

ком отчетливо выражены признаки интеллектуальной элиты, и предлагаемая им программа будет восприниматься дядей Васей и тетей Маней как взгляды группы белых воротничков, никак не отражающие интересов дяди и тети. Насоновские погоны обеспечивают в глазах всех, если можно так сказать, всенародность, ибо военный, солдат, воин – всегда защитник государства, России и граждан, ее населяющих.

Кроме того, нами был проведен блиц-опрос населения, при котором мы использовали фотографии двух наших кандидатов. Нас интересовало мнение женщин, которые, как известно, составляют восемьдесят процентов всего электората. Подавляющее большинство высказалось за Алексея Юрьевича Насонова. Ты уж извини, Ваня.

– Извиняю, – сказал Иван и встал. – Голосуем. Кто за то, чтобы лидером (официальное звание ему со временем присвоит съезд) партии «Молодая Россия» был избран Алексей Юрьевич Насонов?

И первым поднял руку.

Глава 17

Александр Иванович Смирнов, с искренней симпатией погладив ладонью старый свой безотказный парабеллум, открыл нижний ящик письменного стола и зашвырнул в него пистолет вместе со сбруей. Выглянул в окно. Внизу (смотрел из мезонина) жена в его старых кожаных перчатках постригала ряды розовых кустов, выстроившихся вдоль дорожек.

Выбрал трость. Не роскошную, камышовую, не пародийно кондовую, из драгоценного черного дерева, а старую свою подружку – увесистую самшитовую. Гремя по лестнице башмаками и палкой, спустился вниз.

Вот она, красавица! Или красавец? В примитивном дачном гараже стоял джип «гранд чероки» Жорки Сырцова, который, жалея красавицу (или красавца), отбыл на семилетней своей старушке-«девятке». Смирнов тяжело взобрался на высокое водительское место, включил мотор и под его задушевный гул вынул из кармана куртки бумажник. Со стариковской обстоятельностью проверил нужные бумажки. Права и доверенность на месте. Тронулся.

У ворот ждала его Лидия Сергеевна. Он, не вылезая из машины, объявил:

– Все. Отбываю. Не скучай, подруга.

Она сама открыла дверцу. Погладила его по щеке, спросила как бы впроброс:

– Это опасно, Саша?

– Ну сколько мне раз тебе говорить, – рассердился Смирнов. – Никакой опасности, никакой!

– Тогда будь осторожен. – Она поцеловала его в щеку и захлопнула дверцу.

Стараясь не особо шуметь мотором, джип катил вдоль дачных заборов. У современной калитки поп-звезды Дарьи притормозил. Смирнов знал, как открыть хитрый замок, чтобы не заорала сигнализация. Открыл. Он был невидим со стороны дома: загораживали вымахавшие в человеческий рост нестриженные кусты туи. Не таясь, он подошел к своему тайничку – замаскированному в кустах небольшому фанерному ящику. В ящике лежало тяжелое нечто в целлофановом пакете. Он развернул пакет и извлек сверкающий полицейский кольт-45 в кобуре – незаконный подарок друга, полковника Махова из МУРа. Скинул куртку и приспособил кольт. Конечно, приятель с военных лет парабеллум и привычней, и прикладистей, и надежней, но не стоило огорчать и заставлять беспокоиться Лидку.

Он уже открыл дверцу джипа, когда донеслось:

– Саша! Саша!

Пропал. По зеленому с бледно-бежевой колеей проулку неотвратно надвигалась на него жена, с которой он только что попрощался. Стоял обреченно, ждал без иллюзий.

– Конечно, леонидовский кольт, который ты держишь на Дашином участке, машинка вполне, вполне... – сказала, по-

дойдя, Лидия Сергеевна. – Но старый друг лучше новых двух.

Он уже знал, что у нее за спиной в правой руке.

– Давай старого друга!

Она протянула ему парабеллум и не сдержалась:

– Эх ты, сыщик!

Он поменял местами пистолеты и бросил кобуру с кольцом под сиденье:

– Пускай и он со мной поедет. – И, нежно глядя в глаза Лидии Сергеевне, спросил: – И на кой хрен я на милиционерше женился?

Счастье – стареть вместе, не замечая старенья друг друга и от этого не чувствуя старости. Счастье – морщить нос и щурить глаза от радости видеть подругу, счастье – поцеловать ее в щеку и ощутить неуловимое движение навстречу – благодарность за то, что ты ее поцеловал. Счастье – быть вместе молодыми до конца, до гробовой доски.

Он поцеловал ее, а она прижалась к нему. А потом он взобрался в джип и включил мотор.

– Ни пуха ни пера, – стараясь, чтобы получилось весело, пожелала она.

– К черту! К черту! – как бы раздраженно ответил он и по прямой рванул к дачному пятачку, от которого начиналась настоящая дорога. Лидия Сергеевна стояла до тех пор, пока «чероки» не скрылся за поворотом.

Через пятнадцать минут Смирнов на бензоколонке у

МКАД заправился под завязку – путь предстоял далекий.

В щегольском, новеньком, с иголки, кабинете директора туристического бюро «Гольфстрим» зазвенел телефон. Директор, уважаемый господин, разменявший четвертый десяток, – лениво снял трубку.

– Хан... – завыл в трубке взволнованный голос, не дожидаясь привычного «Алло!» или хотя бы «Вас слушают».

– Вы не туда попали, – перебив, механическим голосом сказал директор и положил трубку, но руки с нее не снял. Тотчас телефон вновь зазвонил.

– Я слушаю вас, – с вежливым равнодушием откликнулся директор.

– Дениса Ричардовича можно? – уже не воя, а полуплача, взмолился все тот же голос.

Директор устроился в вертящемся кресле поудобнее, переложил трубку от правого уха к левому и только тогда предложил:

– Говорите. Я слушаю вас.

– Старик едет туда!

– Да неужели?! – издевательски изумился директор. – Ты что думал – он сложа руки сидеть будет? Пришел, видимо, контрольный срок, и он ищет.

– Так ведь прямо туда!

– Куда же еще? Он вслепую искать не станет. А на что его

высокий дружок из главной конторы? По сводке происшествий просчитали возможные варианты. И старик с его опытом сразу же выбрал наиболее перспективный.

– А вдруг липу учует?

– Тогда я всерьез спрошу с тебя, петушок. У тебя были все возможности для того, чтобы никто и никогда не учуял липы.

– Что делать... – похоже, чуть было опять не вырвалось «Хан», но после легкого заикания прозвучало: – Денис Ричардович?

– Приглядывай и паси.

С его-то кривой ногой да по откосу! Заходили со стороны мальчишьей тропкой, он помогал себе самшитовой палкой, его деликатно поддерживал за локоток замначальника райотдела милиции по оперативной работе, но все равно было тяжело. Дойдя до обгоревшего остова шестой модели «жигулей», Смирнов облегченно выдохнул и признался:

– Тяжело. – И, не дав главному оперу района выразить сочувствие типа – старость не радость, недовольно спросил: – Ее так и не трогали?

– Спецтранспорт из области ждем, – оправдывался главный опер.

– Вот и чудненько, – бодро заметил отдышавшийся Смирнов. Чудненько потому, что спецтранспорт из области старательно ждут или что не трогали остов – не понятно. Но ока-

залось, что трогать-то трогали.

– Ребята мои здесь, в общем, тщательно поработали и пришли к твердому убеждению, что имеет место несчастный случай.

– А сам-то смотрел?

– Я своим ребятам доверяю, – обиделся главный опер.

– Это хорошо. Это хорошо, – похвалил всех скопом Смирнов. – Но, на всякий случай, давай и мы с тобой, как говорится, кинем взор, а?

Обгоревший остов стоял метрах в четырех от неторопливой воды. Что удивительно, держался на своих четырех. На колесах-дисках, которые прятались в бесформенной черной грязи расплавленных шин. Сорванная взрывом крыша валялась неподалеку. Смирнов, обходя распахнутые тем же взрывом ржаво-коричневые дверцы, скучным глазом осмотрел остов. Потом поглядел на речку.

– Где парня-то нашли?

– Вот здесь. – Опер рукой указал на место в двух метрах от края воды. – Два шага в сторону – и конец бы ему, утонул бы в беспамятстве. Тут яма метра на полтора.

– Везунчик, – решил Смирнов, а опер подтвердил:

– Точно, везунчик! Его так и наш главврач называет.

– Можешь что-нибудь сказать по машине, а, опер? – глядя на воду, вдруг спросил Смирнов. Опер тоже смотрел на воду. – Ну, ну, не стесняйся.

– Недосмотрели мои пареньки, – признался опер. – Крыш-

ка багажника обгорела только и приподнялась слегка, а крыша отлетела к чертовой бабушке.

– Думай дальше! – поторопил Смирнов.

– А что дальше-то? Дальше все ясно. Мои засранцы правильно отметили, что основной взрыв – взрыв большой канистры с бензином, только не заметили, козлы, что взрыв произошел в салоне. Какой идиот возит полную канистру в салоне?

– И еще, голубок. Ты не совсем точен. Не основного взрыва, а единственного. Пойдем посмотрим еще раз, – по-стариковски наставническим тоном продолжил Смирнов. Подошел к остову. – Смотри, мотор и бензобак не особо покопорежены. Судя по всему, при падении бензобак сильно повредился и, когда огонь добрался до него, взрываться ему было нечем, все вытекло. Тогда откуда огонь? Без особого допущения можно сказать, что из салона. Канистру – в салон, туда же – подожженную промасленную ветошь, «жигуленка» – под откос, и сиди себе дожидайся, когда окончательно разгорится и взорвется. Загорелось, взорвалось, и полный порядок: невнимательный водитель сорвался с обрыва. Разбился и сгорел заживо.

– Вот тебе и несчастный случай! – яростно запричитал главный опер района. – Что молодые, зеленые – знал, но что тупые...

– А может, шеф, хотелось побыстрее и без забот? – насмешливо полюбопытствовал Смирнов. – Несчастный слу-

чай – как хорошо. Просто, ясно, не требует продолжения и главное – никакого висяка. – Смирнов резко поднял голову и быстро спросил: – Кто это там, наверху? Твои?

На самом краю обрыва остановился серый «москвич» с поднятыми стеклами. Солнце лепило в стекла, и ничего не было видно за этой ослепляющей прозрачностью. Никто из «москвича» не вышел.

– Не мои, – с длинной угрожающей растяжкой ответил опер.

Они в открытую, демонстративно разглядывали чужой автомобиль, «москвич» почувствовал их взгляды и круто развернувшись от обрыва, отбыл в неизвестность.

– Может, так, любопытные? – предположил опер.

Опять этот дьявольский откос. Опять карабкаться по тропке. Смирнов, стараясь, чтобы опер не услышал его одышки, ответил согласно, вяло и коротко:

– Может, и любопытные.

Выбрались наконец. Опер огляделся и заорал:

– Борзенков!

Из-за милицейского «козлика» выскочил ладный милиционер и с охотой доложил:

– Слушаю, Андрей Петрович!

– Что за машина тут останавливалась?

– «Москвич-2140», – исчерпывающе доложил милиционер.

– Что за люди в нем были? – уточнил вопрос опер.

– По-моему, компания гуляет. Подъезжали – пели, отъезжали – пели.

– А когда не пели, что делали? – поинтересовался Смирнов.

– Не знаю, – сначала растерялся мент, а потом, вспомнив, обрадовался: – На вас, наверное, смотрели, чем вы занимаетесь.

– Наблюдательный, – похвалил его Смирнов. – Скажи мне, наблюдательный, они вокруг моей машины не шустрили?

– Они из своей-то не выходили.

– Номер не запомнил? – жестко спросил опер.

– Поначалу не подумал, – честно признался Борзенков. – А когда они уезжали, хотел было зафиксировать на всякий случай, но задний номер был заляпан грязью. Одна «тройка» была видна.

– Она же при уменье и «девятка» и «восьмерка», – все понял многоопытный опер Андрей Петрович. – Что дальше, Александр Иванович?

– Передохну малость, и в город поедем. В больницу.

Борзенков деликатно отошел к своему «козлу». Андрея Петровича разбирало тихое и вполне понятное любопытство.

– Если не секрет, почему МУР этот случай заинтересовал?

– Не МУР, а меня, – честно признался Смирнов. – А МУР

по моей просьбе малость официального туману подпустил, чтобы мне помогли.

– Ну а вам-то зачем? – недоумевал Андрей Петрович. И понятно: зачем пенсионеру в опасную заваруху по своей воле лезть?

– Дружок у меня пропал. Вот и ищу, – опять же не соврал Смирнов. – Худо, когда друг пропадает, Андрюша. Поехали?

Борзенков и Андрей Петрович забрались в свой «газик» и ждали, когда Смирнов на своем «гранд чероки» тронется с места. Тылы на всякий случай решили прикрыть.

Смирнов перегнулся через сиденье и перетащил себе на колени любимую Жоркой адидасовскую сумку, дернул молнию и извлек пластиковый пакет. Все на месте. Куртка цвета хаки, черные джинсы, высокие кроссовки, трикотажная черная рубашка-свитерок – привычная сырцовская униформа. И исподнее, естественно.

Смирнов из-под сиденья извлек кольт и припрятал его среди одежды. Прodelал все это, склонившись к полу и не поднимая головы. Надо думать, что менты ничего подозрительного в его поведении не заметили.

На главную площадь райцентра Мельники вырулили как положено: впереди «чероки», сзади – охраной – милицейский «газик». Прибились у местного супермаркета, затормозили и вылезли из своих машин одновременно.

– Вы после больницы нас навестите? – демонстрируя вежливое гостеприимство, поинтересовался Андрей Петрович.

– В зависимости от обстоятельств, – неопределенно ответил Смирнов и в свою очередь спросил: – Фруктишек каких-нибудь где мне купить, Андрюша?

– Да прямо здесь, в супермаркете, – обрадованно сообщил опер. И вдруг через паузу: – А если это не он?

– Кто – не он? – не понял Смирнов.

– Не ваш друг, а просто посторонний.

Смирнов быстро глянул на Андрея Петровича.

– В любом случае, дорогой ты мой Андрюша, в больнице лежит тяжело раненный человек, которому, скорее всего, никто фруктов не носит.

– Умыли, – признался Андрей Петрович. – Поделом. А вы все-таки зайдите после всего к нам, Александр Иванович, а? Ждать будем.

Поворачиваясь к открытой дверце своего американского вездехода, чтобы вытащить адидасовскую сумку, Смирнов бросил взгляд на противоположную сторону площади. Темно-красная «десятка», которая тащилась впереди «чероки» от обрыва, исчезла. Ее место заняла темно-синяя «девятка». Класс явно невысок.

Не было никого в офисе туристического агентства «Гольфстрим», за исключением трудолюбивого директора, который, развернувшись вместе с креслом, бессмысленно смотрел в окно. Зазвонил наконец телефон. Директор вертанулся на сто восемьдесят градусов. Положил обе руки на

сияющий стол, но сразу трубку не снял. Дождался четвертого звонка. Спросил яростно:

– Ну!

– Он пошел в больницу.

Директор Денис Ричардович молчал, прикрыв глаза. Страшно молчал. Для того, кто позвонил. Помолчав, директор сказал:

– Ты понимаешь, что ты сделал?

– Понимаю, – безнадежно подтвердила трубка.

– Понимаешь, что фуфель слепил, сучара греховная?

– Понимаю.

– Понимаешь, что я тебя по уши в землю вобью и в ноздрю цветочек вставлю?

– Понимаю.

– Как дальше жить собираешься?

– Старик его сегодня наверняка заберет и в Москву потащит.

– В каком он состоянии?

– Так откуда же я знаю!

– Узнай, прежде чем начинать. А начинать придется с сегодняшнего дня: мне они, фраерок парнокопытный, напрочь не нужны. Сколько у тебя там людишек?

– Со мной десять. В трех машинах.

– Должно хватить. Понимаешь, таракан? Должно!

– Прости меня, Хан.

– Если хорошо потрудишься, завтра прошу.

Глава 18

Главврач Юрий Серафимович улыбнулся и спросил:

– А почему не сразу к нему?

– Боюсь, – признался Смирнов.

– Бояться нечего. – Юрий Серафимович вылез из-за стола

и устроился в кресле напротив отставного полковника. Видимо, главврач обосновался в Мельниках надолго: кабинет был обжито-уютен, домашний такой. С любимыми мелочами кабинетик. – В принципе, он физически вполне здоровый человек. Ожоги были поверхностные, не ожоги даже, а, как бы попроще выразиться, опальности, что ли. А вывих, если он не привычный, утихомиривается в три дня. Смотрю на него и удивляюсь: как он сумел, почти в беспамятстве, из такой безнадеги выбраться?!

– Ну а как он сейчас в психическом плане? – стараясь быть на уровне, коряво выразился Смирнов. – Вспомнил хоть что-нибудь?

– Ни хрена! – почти радостно заявил Юрий Серафимович. – Меня этот случай крайне заинтересовал.

– Меня тоже, – на ясном глазу признался Смирнов. Типовая больница, одинаковая и в Адлере, и в Находке, и в Моршанске. Двери, двери, закуток для дежурной, опять двери. И у торцового окна напротив сортира и пожарного ящика – бокс.

У бокса остановились. Юрий Серафимович глянул на Смирнова лукаво.

– Вы готовы, Александр Иванович?

– А черт его знает!

– Тогда пошли.

Человек смотрел в потолок. На шум открываемой двери обернулся и встретился глазами со Смирновым. Без эмоций смотрели и смотрели.

– Не он, – твердо заявил Смирнов. – Это не он! – Поставил сумку на пол, прожурчал молнией, вытащил три пластиковых кулька с бананами, виноградом и апельсинами, поставил, с трудом уместив, на тумбочку и пожелал: – Пожужу винограду, может, вспомнишь что. – Человек неотрывно смотрел на него. – Говорить-то можешь, парень?

– Могу, – хрипловато ответил паренек.

– Уже слава богу.

– Значит, не он? – непонятно-угрожающе спросил Юрий Серафимович.

– Нет, не он, – даже с вызовом подтвердил Смирнов. Человек вновь повернулся на спину и вновь уставился в потолок.

– Вам нехорошо? – спросил врач.

– Мне хорошо, – сказал потолку человек.

Смирнов осведомился о нем как об отсутствующем стремительными вопросами:

– Он что – так и лежит? И в сортир не ходит? А если ночью

пожар?

– И сидит, и стоит, и ходит. Сию же минуту – привычный депрессивный минор. Ну а насчет пожара... – Юрий Серафимович призадумался и весьма находчиво ответил: – Типун вам на язык.

– Заслужил, – признал свою промашку Смирнов. – Когда стемнеет, чем он занимается? Ведь надо же человеку чем-нибудь заниматься. Вот так в потолок смотрит?

– Читает иногда, но без интереса.

– Какой же тут интерес, когда ни хрена не помнишь? А по ночам к нему заходят?

– Если уж очень ему что-нибудь понадобится, звонок к дежурной сестре под рукой, – продолжил объяснения Юрий Серафимович. И наконец-то спохватился: – Тысяча вопросов. В связи с чем?

– Просто я, как всякий старик, бесцельно любопытен. Да и паренька жалко. Надо же, такая беда! – Смирнов, демонстрируя, какой он старик, мелко покивал седой башкой.

– Его не жалеть, а лечить надо, – наставительно заметил Юрий Серафимович, который, как все врачи, был немного проповедником. Но и похулиганить мог: – Вылечу я этого бугая, и, боюсь, жалеть не его, а нас придется!

– Я все слышу, – тускло обиделся человек, по-прежнему глядя в потолок.

– Ишь ты! – удивился Смирнов. – Обижается! Спорит с нами, выходит. Только нас не переспоришь: нас двое, а ты

один!

– Пойдемте, Александр Иванович. – Юрий Серафимович взял Смирнова под руку и настойчиво повлек к двери. – У меня договорим.

Покидая бокс, Смирнов пожелал:

– Приходи в себя, мужик. Пора, давно пора. – А в коридоре интимно поведал врачу, которому можно открыться в сокровенном: – Дристунец прихватил. Весь день то в сортир, то в кусты. Я задержусь слегка в этом заведении, – и кивком указал на золотого джентльмена на черном прямоугольнике. Юрий Серафимович улыбнулся понимающе, еще и ободрил:

– Жду вас у себя. Вернетесь – я вам бесалолу дам.

И пошагал по пустынному вечернему коридору.

– Бесалол, бесалол мучит! – в оригинальной трактовке исполнил Смирнов «Бесаме мучо» и скрылся за дверью с джентльменом.

Дед, безжалостный Дед... Вместе с Дедом мукой вернулась обжигающая картина бездарного проигрыша по собственной дурости, беспечности, непрофессионализму. Вспомнилось все. И не вспомнилось даже, а, скорее, возникло. Возникло – и физической болью ударило по сердцу и в голову. Только потому, что потерял дыхание, задохся на несколько секунд от этой нестерпимой боли, не пискнул, не охнул. Не крикнул. А боль стерпел, набравшись силы от

приказывающего и молящего взгляда Деда. Приказал этот взгляд – молчи. Только в конце дал понять Смирнову, что все услышал как надо.

А теперь – включай мозги, они хорошо отдохнули за эти дни полного бездействия.

Итак, по порядку, в каждом действии и слове Деда выделяя главное. По цепочке. Звено за звеном.

Твердое, подчеркнутое неузнавание. «Не он». Значит, не мой. Значит, не со мной. Дед изначально отделил себя от тебя. Ясно, они не должны быть вместе.

Не давая себя перебить, Дед выстрелил двумя вопросительными и пустяковыми фразами. Что в них важно? Сортир и пожар.

По порядку, по порядку смирновских реплик. Чем ты занимаешься ночью? Чем ты будешь заниматься этой ночью. Заходят ли к тебе по ночам? Сегодня ночью зайдут, попытаются зайти.

И последнее: двое и один. Нас двое, а ты – один. Разделил. Себе взял двоих, тебе оставил одного. Три человека? Вряд ли, людей безоговорочно сосчитать и пересчитать он не мог. Скорее всего, автомобили. Дед постарается разбить их на части. Парочку берет на себя, одного оставляет тебе.

Исходные ясны. Можно объяснить положение вещей.

По дороге сюда Дед обнаружил за собой слежку. Уже в этом городе вычислил – он делает такое, как никто, – количество преследующих его машин. И сразу же отказался от

первоначального плана забрать тебя с собой потому, что был уверен: за ним и за тобой начнется смертельная охота.

Если бы он взял тебя с собой, то вы бы оказались в одной коробочке против трех ихних. Счет три – один в их пользу. Дед разбил игру на два отдельных матча, где шансы распределяются так: один к одному и один к двум. Тебе он отдал ничью – одну машину, с которой ты обязан справиться один на один, а сам пошел на проигрыш. Он один против двух. Но все равно лучше, чем один против трех. И как бы ни оценивались шансы, Смирнов есть Смирнов, он выигрывал партии и более безнадежные.

Те еще в неведении, заберет тебя Дед или не заберет. Пока, вероятно, считают, что заберет. Дед сознательно оттягивает свой отъезд для того, чтобы дать тебе время для подготовки. А они терпеливо ждут, когда вы вдвоем выедете на машине из города, чтобы на пустынной дороге без шухера и риска перекрыть вам путь и вперед, и назад и спокойненько вас кончить.

Если они разделятся, две машины кинутся за Дедом обязательно, а одна останется здесь и экипаж немедля займется тобой.

Естественно, что Дед не собирался оставлять тебя голым и безоружным.

Смеркалось. Сырцов тихо приоткрыл дверь бокса и выглянул в коридор. В вечерней серости слабо отсвечивал нестертыми кусками рыжий линолеум. Пусто и тихо, как в

первый день творения. Сырцов в два шага оказался у пожарного ящика рядом с мужским сортиром.

Ах, Дед, ах, умелец, ах, аккуратист! Нетронутая пломба строго сцепляла петли пожарного ящика: все по четким брандмейстерским правилам, комар носу не подточит. Сырцов осторожно вытянул тонкую мягкую проволоку из свинцовой бомбошки, открыл дверцу ящика и увидел рядом с красным брандспойтом и серой, свернутой, как украинская колбаса, кишкой, туго набитый пластиковый пакет.

Перво-наперво освободиться от унижающих человеческое достоинство больничных подштанников. В полутьме бокса Сырцов разделся догола и с наслаждением влез в обтягивающую маечку, натянул трусы, придавшие отдельным частям тела устойчивое положение и твердую форму, присел на кровать и с наслаждением унюхал запах чистого белья. Все, хорошего понемножку.

Хромированный кольт-45 вяло поблескивал в густой сырости надвигающейся ночи. Ухватистая и солидная машина, ничего не скажешь. И прицельна, и безотказна, и убедительно убойна. Но – не его. Сырцов вспомнил свой верный «баярд» и застонал сквозь зубы. Конечно, он сам виноват, бездарно подставился. Но он достанет этих сволочей, обязательно достанет! В ярости швырнул кольт на подушку и вдруг в озарении улыбнулся: скорее всего, именно этой ночью появится возможность их достать.

Одевался неторопливо: получал удовольствие от воссо-

единения с привычными своими вещами, с которыми к нему возвращались веселая уверенность, бесстрашный азарт и твердая убежденность в правоте своего дела.

Бесповоротно стемнело. Притих райцентр Мельники. Даже главная дорога, при которой стояла больница, молчала. И то: отбегали рабочий день деловитые грузовички, любовно позагоняли в стойла своих механических коней добропорядочные обыватели и пристроились к телевизорам, а новых русских, мечущихся по асфальту на иномарках в поисках ночной радости, судя по всему, в Мельниках не было.

Дед даст сигнал. Дед должен дать сигнал. Сырцов сидел на полу, в непросматриваемом углу бокса, а на кровати лежал болван, сооруженный из матраца. Болван лежал на кровати уютным полукалачиком, с головой накрывшись одеялом и достоверно спал. А он, Сырцов, бодрствовал.

Те не думали, что он жив. Наоборот, они были уверены – Сырцов сгорел ярким пламенем не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле. Из больницы им о нем не сообщили, значит, осведомителей у них здесь нет.

Сырцов просчитывал за них. Смирнов уезжает, оставляя Сырцова в больнице. Почему? Это главврачу Дед лапши на уши навешал, не узнавая своего дружка. Те же твердо знали, кого они пытались сжечь, как выяснилось, неудачно. Смирнов не взял Сырцова только потому, что раненый и обожженный Сырцов нетранспортабелен и, значит, неподвижен, как

колода. Наилучший вариант – спокойно и не торопясь обратиться в больницу и без особого шума и треска кончить беднягу Сырцова из пистолета с глушителем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.